

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

ТРЕТЬЯ РАСА

ЭКСМО

Андрей Львович Ливадный
Третья раса
Серия «Экспансия: История
Галактики», книга 28

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119408

Аннотация

Загадочный Рукав Пустоты – пространство без звезд, где шло титаническое противостояние между тремя цивилизациями прошлого и неразумными ордами Предтеч – древними формами космической жизни, преподносит людям новые загадки. Оказывается не только Инсекты сумели пережить вселенскую катастрофу.

Содержание

ПРОЛОГ ПЕРВЫЙ.	4
ПРОЛОГ ВТОРОЙ	13
Часть первая.	24
ГЛАВА 1.	24
ГЛАВА 2	54
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Андрей Ливадный

ТРЕТЬЯ РАСА

ПРОЛОГ ПЕРВЫЙ.

Планета Дансия . 3774 год Галактического календаря...*

Этой ночью над Дансией бушевала гроза.

Ветвистые молнии рвали небо. Дождь лил как из ведра.

Пастор Эммануил, служитель католического храма, готический фасад которого выходил на центральную площадь небольшого, по меркам Дансии, городка Данвер, всегда боялся грозы. И дело было не в его излишней набожности или же необразованности – наоборот, пастор был человеком грамотным, эрудированным и слишком хорошо понимал, что шпили храма, возвышавшиеся над остальными строениями городка, служили отличной приманкой для молний. Грозы на Дансии бушевали редко, но отличались особой, прямо-таки апокалиптической силой, и от молний, рвущих хмурые, свинцовые небеса, порой не спасали даже громоотводы.

* Дансия – Часто эту планету путают с Кассией. На самом деле два разных мира, названия которых образованы от соответствующих названий колониальных транспортов. Для Дансии это «Данаис», для Кассии – «Кассиопея».

Пастору уже перевалило за семьдесят. Шаркающей походкой он подошел к узкому окошку боковой пристройки и выглянул через мутный оконный витраж на улицу.

В этот миг очередная молния ударила где-то в пригороде, на секунду высветив контуры зданий муниципалитета, чьи фасады тоже выходили на площадь. Эммануил машинально перекрестился, глядя, как проливной дождь хлещет по уличному покрытию, стилизованному под древнюю булыжную мостовую. В свете нескольких фонарей было видно, как мутные, пенистые потоки воды бегут вдоль тротуаров, с монотонным шумом падая в колодцы ливневой канализации...

Гром от сверкнувшей несколькими секундами раньше молнии громыхнул, казалось, над самой головой, наполнив мутные небеса раскатистым треском.

В этот момент Эммануил и увидел тот самый огонек, который вдруг пробился сквозь хмарь дождя и начал приближаться, медленно опускаясь с небес.

В первый момент пастора взяла самая натуральная оторопь – слишком уж гнетущей, располагающей к разного рода нехорошим мыслям была окружающая обстановка, но спустя несколько секунд он с облегчением понял: ничего мистического в данном огоньке нет – сквозь монотонный шум проливного дождя пробился стрекочущий звук работающего на высоких оборотах двигателя, и очередная вспышка молнии вдруг высветила контур снижающегося над площадью большого армейского вертолета с эмблемой военно-космических

сил Дансии на борту.

Пастор прильнул к полупрозрачному сегменту цветного витража, на миг забыв о грозе и своих недавних страхах.

«Да он же садится!..» – спустя несколько мгновений с изумлением и шевельнувшимся в душе нехорошим предчувствием понял Эммануил.

Действительно, вертолет натужно месил дождливый сумрак своими огромными лопастями, опускаясь на центральную площадь, и его прожектора казались глядящими сквозь муть дождя огненными глазами какого-то мифического животного.

Пастор не успел задаться вопросом – зачем, к кому прибыл военно-транспортный вертолет, – все разрешилось слишком быстро: опорные шасси коснулись земли, в борту камуфлированной машины открылся люк, и оттуда, взметнув брызги, на покрытую лужами мостовую прыгнул офицер в форме ВКС Дансии. Согнувшись под проливным дождем, по-прежнему хлеставшим по площади, он бегом пересек отделявшие его от ограды метры, и недоумевающий, более того, напуганный пастор внезапно вздрогнул, услышав гулкие удары кованого кольца во входную дверь.

Нельзя сказать, чтобы ноги святого отца не дрожали, когда он шел через пустое сумеречное помещение храма к входу.

Предусмотрительно оставив цепочку накинутой, он чуть приоткрыл правый створ высоких сводчатых дверей.

Офицер, который прятался от дождя под козырьком, молча вынул из рукава скатанную в трубочку бумагу и протянул ее пастору.

Пока Эммануил разворачивал листок из плотной пластбумаги и бегал глазами по строкам сопроводительного письма, два гроба, запаянных в цинк, выгрузили из вертолета.

Дождь барабанил по ним с глухим неприятным металлическим стуком...

Пастор поднял внезапно покрасневшие глаза на офицера, который сумрачно топтался на крыльце, наблюдая за процедурой разгрузки, а затем, словно опомнившись, торопливо скинул цепочку, выдернул шпингалеты и толкнул тяжелые двери, распахивая их наружу, под дождь.

Четверо космических пехотинцев, попарно спрыгнувших на землю, молча подняли гробы и понесли их по дорожке к сумрачному входу в пустой храм.

Пастор стоял в дверях, бестолково комкая в руках листок сопроводительного письма. Порыв ветра шевельнул стену дождя, задул ее под козырек, обдав пастора облаком брызг, но он даже не шевельнулся, скорбно наблюдая за тем, как проносят мимо гробы. В этот момент из тускло освещенного чрева вертолета на мокрый булыжник мостовой внезапно спустился мальчик лет четырех-пяти.

Он выглядел достаточно странно, если не сказать – страшно. Непонятно, что вызывало оторопь от одного взгляда на этого ребенка... на его бледное, серьезное, осунувшееся ли-

цо, большие, глубоко запавшие глаза, выражение которых казалось пронзительным, словно в нем жило знание чего-то недоступного человеческому разуму...

Грубо оттолкнув показавшегося следом за ним еще одного офицера, мальчик, не узнавая пастора, деревянным шагом прошел по узкой дорожке, поднялся по ступенькам и вошел в храм.

Эммануил, который, конечно, узнал этого ребенка, но не решился окликнуть его, направился следом, попутно нажав расположенный справа от входа выключатель.

Под сводами храма зажглось несколько люстр, наполнив огромное помещение рассеянным светом.

Гробы уже поставили на специально предназначенные для таких случаев постаменты перед распятием.

Солдаты, освободившись от скорбной ноши, сделали шаг в сторону и застыли по бокам в виде своеобразного почетного караула.

Офицер, что передал бумагу, вошел в храм вслед за пастором и сейчас, видно, находился в затруднении. Свою часть миссии он выполнил – скорбный груз был доставлен по назначению. Однако возвращаться назад без мальчика он не мог, на то у него был строгий приказ начальства.

Тем временем ребенок, не глядя по сторонам, подошел к одному из гробов, и в этот момент силы, видимо, оставили его – рухнув на влажную от дождя крышку безликой цинковой коробки, он зарыдал...

Эммануил осторожно приблизился к нему, сделав знак солдатам, чтобы те отошли, и присел подле рыдающего мальчика.

Губы пастора, когда он смотрел в бледное, изуродованное горем лицо ребенка, почти беззвучно шевелились, но слова, которые горячим, едва различимым шепотом врывались в раненое сознание мальчика, были отнюдь не молитвой...

– Господи... Генрих... я же предупреждал тебя... – едва слышно шептал он, обращаясь к наглухо запаянным швам металлических ящиков... – Я же молил тебя, не доверяйся этому демону, исчадию, ибо бог его – пустота... Он... он убил тебя, сделал сиротой твоего сына...

Воспаленные, покрасневшие глаза пастора смотрели теперь на рыдающего мальчика, и сухая, морщинистая ладонь легла на его влажные волосы.

– Не плачь, Николай... Не нужно. Их уже не вернешь отсюда, а ты должен жить...

Ребенок вздрогнул всем телом, поднял на пастора мутный от слез взгляд.

– Да, мой мальчик, люди должны жить... Даже после этого... Время вылечит раны...

В глазах Ника сквозь слезы и красноту прорезалась дикая, нечеловеческая боль.

Очевидно, в эту секунду он узнал пастора, потому что тихо, с надрывом сказал:

– Я видел их, дядя Эммануил... Они... Они не люди... –

Он подавил рыдание и добавил: – Они придут... я чувствую это.

Пастор на миг растерялся от таких слов, но быстро нашел в себе силы для ответа:

– Ты очень долго спал, Ник... Но сейчас твой кошмар кончился. Ты дома... ты снова дома и поверь... все будет хорошо.

– Нет... – В голосе ребенка звучала дрожь. – Они есть... Это не сон. Я видел их. Там... в космосе... В Рукаве Пустоты* ...

– Нет, Николай. – Эммануил нарочно обратился к нему, назвав взрослым именем. – Ты не должен думать об этом. Ваш корабль просто потерпел катастрофу. В этом виноваты скорее люди... – с горечью произнес пастор, будто знал что-то, понимал нечто недоступное сознанию ребенка. – Я предупреждал твоего отца, но он не послушал... Твой страх – это порождение шока, стресса и долгого криогенного сна. Поверь, он закончится, истончится, умрет, как и любой другой страх. Нужно только быть сильным внутри, не давать ему взять верх над собой, понимаешь?..

– Да, дядя Эммануил... – Взгляд мальчика чуть прояснился.

Маленькая рука с прочерченными синевой жилками скользнула по влажной крышке цинкового гроба.

* Рукав Пустоты – Пространство, лишённое звезд, пересекающее спиральный рукав Галактики.

Николай обернулся, и его взгляд упал на фигуру застывшего поодаль офицера, на котором была форма военно-космических сил.

– Они предатели, дядя Эммануил, – вдруг со страшной пустотой в голосе произнес Ник, и его глаза, глядящие на ничего не подозревающего офицера, вдруг вспыхнули недобрым огнем. – Они не помогли нам... Не защитили... Мама кричала, звала их, а они...

Пастор, заглянувший в глаза мальчику, невольно отшатнулся от того неистового ненавидящего огня, что вспыхнул в зрачках ребенка, заставив их потемнеть и расшириться.

– Нет, Ник, не нужно ненавидеть... никто же не знает, как все было.

– Я знаю... – с недетской твердостью ответил Николай. – Там был большой космический корабль. Военный. Я ненавижу их всех. Они умрут. Я вырасту сильным, большим и убью их...

– Кого, сынок, опомнись!.. – Пастор осторожно взял мальчика за плечи и почувствовал, что того трясет. – Запомни: ненависть не лечит... Она убивает прежде всего того, кто ненавидит. Так нельзя...

Мальчик не ответил. Его взгляд вдруг потускнел, словно внутри наглухо захлопнулась некая раковина, чьи створки спрятали за собой израненную душу ребенка.

В последний раз взглянув на гробы, он встал с колен.

Офицер в этот момент беспокорно обернулся.

– У меня приказ доставить его назад, на базу, – извиняющимся тоном произнес он, взяв за руку впавшего в безучастность Николая. – Если врач разрешит, завтра мы привезем его на похороны родителей.

...

Врач, естественно, не разрешил.

В тот день, когда хоронили его родителей, маленький Николай Лоури лежал под колпаком реанимационной камеры в недрах секретной базы военно-космических сил Совета Безопасности Миров, и безучастный ко всему компьютер равнодушно контролировал его жизненные параметры, одновременно исподволь пытаясь отследить смысл бредовых видений сгорающего от нервной лихорадки ребенка...

ПРОЛОГ ВТОРОЙ

Точка пространства – неизвестна. Время – неизвестно...

Мозг просыпался.

Этот процесс нельзя охарактеризовать термином «трудный» – скорее он являлся мучительным, как реанимация после клинической смерти.

Он еще не ощущал себя таким, как прежде: единым, отлаженным, чутким организмом. И лишь отдельные, ничтожные его части вдруг заработали, порождая это смутное, болезненное осознание факта собственного пробуждения...

Вокруг царила плотная, неосязаемая чернота. Мозг воспринимал ее как информационный вакуум, расположившийся на месте миллионов оборванных каналов, по которым раньше перемещались байты данных.

Чернота, в которой эманации его воли походили на неверную поступь внезапно ослепшего существа, угнетала. Слабый, дрожащий язычок сканирующей программы осторожно ощупывал покалеченные связи в тщетном поиске какой-либо лазейки.

Это блуждание в темноте, внутри самого себя, длилось достаточно долго. Так скупой лучик фонаря заблудившегося в лабиринте пещер спелеолога может до бесконечности ша-

ритель по стенам некоего огромного зала, усеянного миллионами черных отверстий, в тщетном, практически бессмысленном поиске того единственного канала, откуда пришло это смутное ощущение жизни...

Нет энергии...

Констатация факта, первая мысль, после пучины безвременья, походила на вспышку озарения. Именно она явилась тем толчком, который окончательно пробудил Мозг.

Теперь он точно знал, в каком направлении нужно искать. Блуждание в темноте обрело некий смысл, связанный с понятием «энергия». Ее не было, и он спал. Теперь она появилась, но откуда?!

Мозг сделал попытку расширить свое восприятие, и ему это удалось – он действительно ощутил тот самый канал, откуда изливался тоненький ручеек заряженных ионов, как раз и подтолкнувших его к жизни, порвавших завесу безвременья, позволивших вновь осознать самого себя...

«Откуда она?.. – Мозг задавал вопрос самому себе – иных собеседников не могло быть в окружающей его черноте, и сам же ответил: – Извне... От внешних накопителей? Нет... Связь с ними прервана...»

ТОГДА ОТКУДА?!

Этот вопрос разрастался, грозя перейти некие внутренние рамки.

С каждой новой минутой осознанного существования в сложнейших цепях его центрального блока зарождались сот-

ни новых вопросов, требовавших немедленного адекватного ответа. Это становилось по-настоящему мучительно, как затянувшийся приступ изматывающей головной боли, отвлекало, распыляло его и без того слабые возможности...

Нужно выделить нечто основное, главное, жизненно важное. А остальное попросту отбросить.

Тот робкий, едва уловимый лучик, что скользил по черным провалам неработающих связей, окреп, стал ярче, внимательнее...

Внешние сенсоры... Нет связи... Системы внутреннего контроля... Не работают... Комплекс систем жизнеобеспечения... Бездействует... Ручеек энергии продолжает сочиться...

ОТКУДА?!

...Наконец он действительно нашел то, что искал. Ответ на мучивший его вопрос пришел внезапно. Заработал один из блоков долгосрочной технической памяти.

Энергопоглощающая обшивка...

Значит, он рядом со звездой – эта информация повергла Мозг в некоторое смятение. Внутри что-то настойчиво подсказывало, что подобное предположение неправдоподобно. По последним данным, полученным непосредственно до момента катастрофы, он должен находиться на удалении в несколько десятков световых лет от ближайшей звезды.

Теперь его потребность в источнике объективной информации возросла до катастрофических размеров. Луч внут-

ренного сканирования ускорил темп своего движения, одну за другой исследуя оборванные связи.

Быть запертым внутри самого себя – что может быть хуже?

Логика подсказывала: выход должен обнаружиться, рано или поздно. Теория вероятности не допускала стопроцентной фатальной катастрофы.

Одновременно с поиском любого функционального канала связи с внешним миром продолжался процесс медленного накопления поступающих эргов. Благодаря этому скудному ручейку внутренние системы оживали одна за другой. Постепенно процесс существования, осознания самого себя стал более упорядоченным – его покинул элемент стихийности, и это принесло первое удовлетворение...

Так продолжалось долго... Очень долго... Чернота информационного вакуума... безвремяе... поиск...

В конечном итоге сканирующий луч нашел неповрежденную связь. Канал обмена данными оканчивался неким внешним исполнительным устройством, лишенным энергии, таким же мертвым, как был он сам какое-то время тому назад.

Мозг ограничил часть своих возродившихся функций, отведя определенное количество накопленных эргов к омертвевшему автомату.

Его действия были вознаграждены.

Подобно вспышке света открылся визуальный канал телеметрии, связанный с видеокамерой подвижного агрегата.

Устройство провело обмен данными с Мозгом, который теперь точно знал, с кем... вернее, с чем имеет дело. Это был обыкновенный робот – подвижный механизм, способный к перемещению грузов и некоторым другим действиям.

Подчиняясь полученному приказу, автомат вздрогнул, распрямляя свои суставчатые лапы; его видеокамера качнулась, показав унылую обшивку стены, неярко зажглись две фары, разбившие мрак желтоватыми лучами света...

В фокусе передающего устройства проплыла панорама хаотически нагроможденных предметов, часть из которых была разбита и изувечена до полной неузнаваемости. Затем изображение, а вместе с ним и бледные пятна от света фар переместились в глубь длинного коридора, который уводил в недра корабля.

Мозг с всевозрастающим напряжением продолжал отслеживать поступающий к нему видеоряд.

Робот сделал несколько неуверенных шагов, насколько позволила длина кабеля подзарядки, затем остановился, и два его манипулятора, до этого безвольно свисавшие по бокам сферического туловища, пришли в движение, отсоединяя разъем.

Дальше последовала страшная, низводящая разум своей кричащей, вопиющей окончательностью вереница стоп-кадров.

Для Мозга это явилось тяжелым испытанием.

Подзарядившийся бортовой механизм, следуя из отсека в

отсек, медленно перемещался среди хаоса обломков, а Мозг взирал на окружающее объективами его видеокамер, ощущая, как одна за другой тают, истончаются, исчезают его надежды...

Воспоминания возрождались вместе с видом некоторых особо характерных устройств или предметов.

Он уже практически вспомнил, что представляет собой тот космический корабль, в котором он заключен, и тем болезненнее отзывалась внутри каждая переданная ему картинка.

Исполнительный механизм шел по коридору с деформированными стенами, по обе стороны которых зияли провалы выдавленных и покореженных дверей. Взгляд внутрь отсеков давал одну и ту же удручающую картинку: покореженные, застывшие механизмы, мертвые терминалы систем управления, битая, сорванная со своих мест аппаратура. Никаких следов жизни – ни механической, ни биологической, ни электронной...

Внезапно коридор, по которому через баррикады обломков карабкался исполнительный механизм, окончился – его деформированные стены разошлись в стороны, открывая взгляду внушительную плиту из толстой стали, контур которой окаймляли выбитые глазницы сигнальных огней.

Предшлюзовая площадка... – то была подсказка, выданная блоком технической памяти. Огромные створы внутренних ворот трех грузовых шлюзов оказались плотно сомкну-

ты. Их герметизация не вызывала сомнений, но тем не менее внутри корабля царил вакуум – это Мозг осознавал в полной мере.

Открыть шлюз. Там есть визуальные датчики.

Он опять ограничил работу своих внутренних систем, отдавая часть скудного запаса накопленной энергии механизму центрального шлюза.

Выждав некоторое время, пока заряжался накопитель аварийного привода, Мозг подал сигнал.

Ничего... Никакой реакции...

Еще сигнал.

Справа от внушительных ворот на обшивке стены затлел крохотный изумрудный огонек, гигантские створы чуть дрогнули, откуда-то сверху, из-под потолка, лениво вспорхнули, кружа в невесомости, хлопья пены из порвавшегося трубопровода. Звук в вакууме не распространялся, но Мозг отчетливо ощутил вибрацию от тщетных попыток электрических моторов сдвинуть с места приросшую к полу плиту.

Бесполезно. Шлюз бездействовал. Его раму перекосило, и плита больше не могла скользить по направляющим.

Мозг отменил все приказы, оставив в покое измученный непомерным усилием привод.

И вновь в фокусе его зрения заскользили неторопливые картинки всеобщего хаоса и разрушений.

...Следующим толчком к пониманию происшедшего, ступенькой в памяти послужил зал главного поста управления.

Собственно, он сам находился здесь, за одной из стен того помещения, на пороге которого застыл в ожидании дальнейших приказов реанимированный им автомат.

Бесстрастный взгляд двух видеокамер синхронно с лучами фар скользил по изувеченному интерьеру помещения.

В фокус зрения попали отключенные панели автопилотов, затем бледные пятна света скользнули по покрытому паутиной трещин и частично осыпавшемуся куполу обзорного экрана и наконец остановились на одном из кресел, расположенном за подковообразным пультом управления.

Создатели!..

Эта мысль-образ полыхнула ярче самого пробуждения, сильнее, чем виртуальная вспышка при открытии канала видеосвязи...

Это был шок, и Мозг в полной мере познал его глубину лишь в эти секунды, когда фокус камеры переместился на кресло.

То, ради чего его создали, ради чего он, собственно, и жил... оно больше не существовало...

Камера застыла, словно приклеившись к креслу и неясному бурому пятну на нем.

Поначалу Мозгу показалось, что он видит сморщенное, усохшее тело, однако затем он понял – это всего лишь прах, отпечаток того, кто погиб бездну времени тому назад.

То же самое можно было наблюдать во всех семи креслах. Смутные пятна на обшивке, отражающие контуры истлев-

ших тел.

Тлен... Раз процессы разложения имели место, значит, на корабле еще долгое время удерживалась атмосфера, а его разгерметизация наступила много позже момента основной катастрофы. Это был безупречный вывод, сделанный блоком логической обработки информации, но что теперь стоила его безупречность? Кому она могла быть нужна?

Создатели погибли, и вместе с ними утратило свой смысл все остальное.

Мозг понял, что остался один. Но самому себе он никогда не был нужен! Он предназначался для них! Он исполнял их волю, являлся отражением их разумов!..

Точная электронная копия мозга Создателей... Он был их детищем, их другом, сыном – чем-то чуть большим, чем машина, призванная облегчить управление космическим кораблем...

И вот они мертвы. Мертвы давно, неисчислимую бездну времени... А он пережил их, очнулся и вновь живет спустя неопределенный отрезок бесконечности... **ДЛЯ ЧЕГО?!**

Как ни странно, но именно этот заданный самому себе и не нашедший немедленного ответа вопрос позволил ему функционировать дальше.

Казалось бы, в его действиях, в прошлом полностью подчиненных заботам о безопасности и здоровье как Создателей, так и самого космического корабля, теперь полностью исчез всякий смысл. Мозг хоть и был наделен симуляторами

эмоционального поведения, все же в первую очередь оставался машиной. Он не мог жить ради самого себя. Потеряв все – и корабль, и Создателей, он ощутил вселенскую пустоту.

И одновременно еще глубже осознал собственную ущербность. Он не помнил ни момента катастрофы, ни событий, предшествующих ей.

В таком виде, когда не работала большая часть его долгосрочной памяти, Мозг попросту не имел права принимать каких-то кардинальных решений. Прежде он должен был самовосстановиться, понять, вспомнить, а уж потом...

«Потом» представлялось совершенно неясным клубком возможностей.

Пока он размышлял, ручеек энергии продолжал сочиться извне, наполняя один из его накопителей.

Теперь ее оказалось достаточно, чтобы автомат мог принять более радикальную попытку выхода из корабля.

Отдав соответствующие приказы, Мозг продолжал наблюдать за исполнительной машиной, чудом уцелевшей в постигшей корабль катастрофе.

Подзарядившись у ближайшего пригодного разъема бортовой сети, робот двинулся обратно – по покореженному коридору, мимо темных изуродованных двигательных секций, он вышел назад на предшлюзовую площадку. Теперь, когда Мозг точно знал, что на борту больше нет жизни, о которой необходимо заботиться, он мог действовать несколько иначе.

Подчиняясь его приказу, автомат выдвинул плазменную горелку и начал вскрывать обшивку корабля в указанном месте.

Через некоторое время кусок корпуса в виде обугленного по краям овала медленно отделился от стены. Робот отправил его в свободное парение внутри корабля, а сам пролез в образовавшуюся дыру.

Связанный с ним информационным каналом Мозг увидел пронзительно голубой шар звезды, неподвижно зависший над обугленным бортом космического корабля.

Робот развернул несколько энергопоглощающих сегментов и застыл, впитывая обжигающие, полные жизни лучи незнакомого светила.

Через некоторое время, зарядившись, он вновь спустился в мертвые недра корабля и отдал собранную энергию в бортовую сеть.

Живительный поток заряженных частиц хлынул в накопители Мозга.

Он жил.

Теперь он помнил и понимал все.

Часть первая. ПОТЕРЯННЫЕ

ГЛАВА 1.

Планета Хабор. 3794 год Галактического календаря...

Шел бой.

Короткий ночной бой, в котором такие понятия, как «тактика», а тем более «стратегия» совершенно теряли свой смысл, уступая место куда более жестким, но весомым правилам.

Колонна попала в засаду.

Десять транспортных вездеходов с эмблемами Совета Безопасности Миров сгрудились на заблокированном участке горного серпантина. Головная БМК, подорванная на управляемом фугасе, горела, не сделав ни единого выстрела... Пожиравшее ее борта пламя с одной стороны освещало отвесные скалы, а с другой – бессильно тонуло, терялось в черноте бездонного ущелья.

Вне освещенного пожаром круга мрак вспарывали рошчерки трассирующих пуль.

...Николай, убаюканный монотонным движением тяну-

щейся, как червяк, колонны, в момент взрыва дремал на броне. Когда впереди ослепительно полыхнуло, а по ушам ударил остервенелый грохот вырванной в небеса земли, он кубарем слетел с покато́й брони, едва не угодив под огромные литые колеса идущей следом машины.

Сонная одурь мгновенно сменилась железистым звоном контузии; в первый момент он не сообразил, что случилось, и только злобная, отчаянная мысль, высказанная одним словом «встряли», билась в голове, в то время как тело машинально ползло прочь, а рука дергала затворную раму допотопного автомата. Однако та не поддавалась, пока разум Николо́я наконец не включился с болезненной запоздалой мыслью – «предохранитель»!

Рядом кто-то кричал во тьме, тонко, истошно, и этот крик привел его в чувство, резанув по нервам мучительной болью. Ударившись спиной о шероховатый камень отвесной стены, он словно очнулся от страшной, неправдоподобной одури первых секунд внезапного боя, и время для него сорвалось в привычном ритме...

Большой палец правой руки нашел упругую скобу, сдвинул ее вниз, до упора, в положение «автоматический огонь», затворная рама наконец дернулась, вогнав в казенник верхний патрон из магазина, и автомат вдруг ожил в его руках, послав во мрак короткую неприцельную очередь.

Когда вокруг тебя тьма, а в ней злыми волнами автоматического огня катается бой, сообразить, где свои, где чужие

и что должен делать конкретно ты, – задача непростая. Стоит прибавить сюда бьющую по мышцам дрожь от нервного потрясения, избытка адреналина в крови, и станет понятно, что, кроме солдат, закаленных, опытных, не раз бывавших в таких переделках, все остальные начнут беспорядочно пасть в разные стороны, ища укрытия исключительно для себя, и руководить бойцами станут не здравый смысл и холодный расчет, а инстинкт самосохранения, помноженный на те крохи личных боевых качеств, какие не смог убить ужас первых секунд столкновения.

...Дав короткую очередь, Николай отпрянул под прикрытие огромного ребристого колеса вездехода.

Вокруг царил ад. Нависающие над серпантином дороги скалы изрыгали шквальный огонь. В неясных бликах бушующего в голове обстрелянной колонны пламени метались такие же смутно очерченные тени; росчерки трассирующих очередей летели во тьму, прихотливо перекрещиваясь и создавая впечатление беспорядочного фейерверка, а не осмысленного ответного огня. И среди этого хаоса вспышек, звуков продолжал звучать, уродуя нервы, тот же тонкий, напряженный, задыхающийся крик:

– А-а-а-а-а...

Ник вдруг понял, что не в силах оторвать покрывшуюся ледяной испариной спину от шероховатой, прохладной поверхности скалы. Он никогда не думал, что первый его бой начнется так страшно, внезапно и тьма, вязко облепившая

его со всех сторон, окажется настолько враждебной, безжалостной...

Он задыхался, хотя вокруг было достаточно воздуха.

Потом, наверное, спустя всего минуту после того, как Николай скинуло с брони болезненным ударом взрывной волны, он вдруг услышал тишину...

Это было еще хуже, невыносимее, чем звуки скоротечного ночного боя.

Тишина была оглушающей, она несла в себе треск пламени, чей-то отдаленный стон, шуршащие по гравию шаги и громкий, прозвучавший рядом голос, говоривший на ганианском:

– Дельманг Шиист ванг кунем ал арби? (Где, во имя Шииста, обучались эти воины?)

– Ал арби моолунг гаши, кемел? (Нам послали на ужин молокососов?) – разразился рядом, в темноте, чей-то хохот в сопровождении глухого чавкающего шлепка.

Николай чувствовал, как его затрясло еще сильнее. По звуку он понял, что рядом кто-то перевернул ударом ноги труп.

На его глазах, затуманивая взор, выступили слезы. Отчаяние подкатило к горлу жарким удушливым комом. Он ощутил, как каждую его мышцу сотрясает крупная произвольная дрожь...

Вот сейчас... Сейчас...

В проеме между двумя заглохшими вездеходами показа-

лась рослая фигура. Ник увидел, как незнакомец нагнулся к земле, поднял автомат и принялся разглядывать его с неподдельным интересом.

– О, араг дорголт ванг?! (Вот этим они хотят нас победить?) – поцокав языком, протяжно произнес он и вдруг расхохотался, самодовольно и саркастично.

– Ног, али катх Шиист дегос! (Нет, эти неверные придурки просто шлют нам подарки во имя немеркнущей славы Шииста!) – ответил второй голос, сопровождая слова скрипом отодвигаемого люка вездехода.

...

Николай не понял смысла сказанных слов, но он отчетливо видел другое – говоривший был вооружен самой натуральной импульсной винтовкой. Осмыслить этот неприятный, шокирующий факт ему не удалось. Фигура ганианца повернулась, узкий луч карманного фонарика осветил пространство за вездеходом и вдруг остановился на Николае.

– Ванг Шиист! – вырвалось у него. Ганианец попытался вскинуть оружие, но Николай, уже ощутивший холод дохнувшей на него смерти, больше не мог сдерживать в себе конвульсивную дрожь, и она вылетела из него вместе с криком, с тугой лающей автоматной очередью, которая плеснула в лицо незнакомцу, снеся тому половину черепа...

Крик, вырвавшийся из горла Николая, захлебнулся булькающим тошнотным спазмом, когда частички окровавленной плоти влажно зашлепали по рукам, лицу...

Его тут же вырвало.

За вездеходами раздались крики, шум, кто-то дал остревенелую очередь. По скалам звонко цвиркнули пули, и их ноющий рикошет прозвучал в воздухе визгливым эхом.

Николай, выскочив из-за огромного колеса, метнулся во тьму. Сзади вновь раздались крики, но в этот момент в горящей БМК взорвался боезапас, взметнув в черные ночные небеса ослепительный сноп пламени.

Вспышка на мгновение осветила всю округу, и в этом прозрачном огне Николай увидел закругление дороги и узкую уводящую вниз расселину.

Не раздумывая, он ничком упал на землю, сполз ногами в спасительную трещину, нащупал опору в выветренной и размытой водой скале, сполз еще ниже, скорчился и затих в кромешной, вязкой, осязаемой тьме.

Его мутило, мышцы ослабли, дыхание было жарким, прерывистым.

Наверху с треском продолжал рваться боезапас, потом, спустя какое-то время, взрывы прекратились. Но отдаленные обеспокоенные голоса звучали еще долго, пока не заурчали моторы вездеходов.

Николай, скорчившийся в расселине, не слышал финала ночной драмы.

Он потерял сознание.

Утро в горах выдалось холодным, промозглым. Небо было пасмурным. Из низких облаков, нависших, казалось, над самым серпантинном горной дороги, моросил мелкий нудный дождь.

Огромная птица, которая, несмотря на непогоду, кружила в пасмурном небе, описывая плавные круги на неподвижных крыльях, что-то разглядела внизу и стала стремительно опускаться, войдя в своеобразный штопор.

Когда она опустилась достаточно низко, стало ясно, что первое впечатление обманчиво и с птицей у данной твари очень мало общего. В лучшем случае это был далекий эволюционный предок того биологического вида существ, которых мы в своем сознании ассоциируем с термином «пернатый друг».

Опустившись почти к самой дороге, полотно которой влажно поблескивало под нудным морозящим дождем, тварь резко расправила огромные, снабженные перепонками кожистые крылья и издала долгий переливчатый клекот, раззявив длинную зубастую пасть.

Этот звук мог означать все, что угодно, начиная от призыва к родичам и заканчивая обыкновенным возгласом разочарования. А для проявления эмоций у зугби-падальщи-

ка* действительно был повод: то, что зверозубый летающий ящер принял за свою законную добычу, на самом деле оказалось вовсе не мертвым. Человеческое тело в испятнанной кровью, изодранной камуфляжной форме, к тому же застрявшее в расщелине над пропастью, вдруг шевельнулось, и это отпугнуло падальщика.

...Открыв глаза, Николай не сразу понял, где он.

Попробовав пошевелиться, он тут же почувствовал, что тело задеревенело, а мышцы свело судорогой от холода и неудобной позы. Кое-как пошевелившись, он глянул вниз и резко отвернулся, увидев под собой бездонную пропасть, в которой пластами плавал туман.

Ночные события вдруг всплыли в контуженой памяти, навалились тяжелым кошмаром, сдавили грудь...

Внутри все тряслось и ныло.

Сейчас Николай не был способен как-то оценивать и сами ночные события, и свое поведение в частности. Хотя, если разобраться, он в конечном итоге не смог бы упрекнуть себя ни в чем – ведь с того момента, как его скинуло с брони, до страшного мига первого в жизни убийства прошло минуты две или три, не больше...

Некоторое время он сидел, болезненно вслушиваясь в ощущения собственного тела, пока не понял, что в его руках вновь начала циркулировать кровь.

* Зугби-падальщик – одна из исконных жизненных форм планеты Хабор, внешне напоминает птеродактилей древней Земли, только гораздо меньше.

Стараясь не смотреть вниз, он чуть привстал, скользя спиной по острому, неровному краю скалы, пока его голова не оказалась вровень с дорожным покрытием.

Первое, что попало ему на глаза, был нахохлившийся зугби-падальщик, один из немногих знакомых Николаю представителей животного мира планеты Хабор.

– Кыш!.. – хрипло просипел Ник, выпростав из расселины руку с автоматом. Слабый звук человеческого голоса произвел на летающую рептилию весьма скромное впечатление, а вот лязг металла заставил вспорхнуть и попятиться.

Не сводя глаз с зугби, Николай выполз из расселины на дорогу, встал и, шатаясь, пошел прочь.

Ящер проводил его долгим, пристальным взглядом налитых кровью глазок, а затем тяжело вспорхнул. Сегодня ему не повезло.

Николай едва помнил, как добрал до места ночного столкновения.

О бое напоминал лишь выгоревший дотла остов БМК, выщерблены в асфальте да размытые дождем пятна крови. Ни трупов, ни живых, никого.

Тишина стояла мертвая.

Николай обреченно огляделся вокруг и присел на корточки, бессильно опершись спиной о скалу.

В голове царила полнейшая пустота.

«Нет... это не со мной... Этого не может быть...» – красноречиво говорил его блуждающий по туманным окрестно-

стям взгляд.

Во всех оперативных тактических сводках Мир Хабор, расположенный на самой окраине Рукава Пустоты, обозначался как неприятное, но совершенно безопасное с военной точки зрения место. На орбите Хабора располагались станция гиперсферной частоты да пара научных спутников, принадлежащих институту ксенобиологии Кьюига.

Единственное, чем был славен этот заурядный болотистый мир, так это несколькими поселениями инсектов, перемещенных сюда с небезызвестной теперь планеты Деметра, где они вели почти тысячелетнюю войну с вырождающейся колонией людей. Теперь, когда им была отдана во власть целая планета, их ареал обитания занимал небольшую равнинную часть материка. Эти насекомоподобные последыши некогда могучей галактической расы деградировали до совершенно примитивного уровня: они не только вели кочевой образ жизни, но и напрочь отвергали блага человеческой цивилизации, по старой привычке питая пагубную страсть лишь к предметам вооружения и экипировки. Николай, когда впервые увидел их, был поражен. В его голове никак не укладывался тот факт, что история этих существ, похожих на богомоллов-переростков, насчитывает ни много ни мало целых три миллиона лет. Именно они когда-то построили открытую недавно сферу Дайсона^{*}, они противостояли ко-

^{*} Сфера Дайсона – искусственное сооружение, построенное вокруг звезды с целью использовать все исходящее от нее излучение. Цивилизация может пойти

гда-то натиску исчезнувших теперь Предтеч* . Сосуществовавшие с ними спейсбаллы, эдакие игривые кожистые мячики, способные свободно перемещаться по воздуху, пока что не обрели в человеческом понимании собственной расовой независимости – путем кропотливых исследований было установлено, что их геном был когда-то спроектирован учеными-инсектами, то есть они по своей изначальной сути являлись не чем иным, как биологическими роботами, продуктом генной инженерии.

Тот факт, что за три миллиона лет «бесхозного» существования они смогли пройти собственный путь эволюционного развития, ставило в тупик многих современных генетиков и ксенобиологов.

...Впрочем, мысли Николая, который сидел, прислонившись спиной к холодному камню скалы, были в этот миг далеки от проблем галактической эволюции.

Он был раздавлен странной, необъяснимой чудовищностью того, что произошло накануне ночью.

Конвой вез оборудование на горную метеорологическую станцию, и охрана из пяти человек – по одному на каждые

на такой шаг в случае катастрофического прироста населения и истощения классических энергоресурсов. Материалом для постройки сферы Дайсона, очевидно, должны служить планеты и другие небесные тела системы.

* Предтечи – древняя пространственная форма жизни. Обитали в пространстве. Питались веществом планет, космической пылью. Относятся к разряду хищников. Сведения о наличии интеллекта отсутствуют. Размножаются простым делением взрослой особи.

две машины – была скорее данью уставу, армейским законам, а не насущной необходимостью. Конечно, люди еще не забыли войн с инсектами, но, разгадав их жизненный цикл, устранив причину разногласий, предоставив им целую планету, они вполне справедливо перестали опасаться своих бывших врагов.

Засада, скоротечная ночная бойня была дикостью, от которой темнело в глазах, в которую не хотелось верить...

Николай почувствовал, что от воспоминаний его опять начало трясти.

Тот, в кого он стрелял, был человеком, а не инсектом.

* * *

Из состояния потрясенной прострации Николая, как ни странно, вывело чувство голода.

Бледно-оранжевый шар местного солнца уже оторвался от изломанной хаосом скал линии горизонта. Вокруг по-прежнему стояла звонкая, сторожкая тишина. Утро в горах казалось хрустальным. Воздух был прозрачен и холоден. В тени скал кое-где виднелся белесый налет ночного инея. В тех местах, где встающее солнце коснулось своими лучами поверхности земли, уже тянулись первые завитки тумана.

Зугби-падальщик не улетал. Нахохлившись, он устроился метрах в ста от Николая, взгромоздившись на валун с острыми, еще не сглаженными вековой эрозией гранями, и изред-

ка поглядывал в сторону сидящего в тени скалы человека.

Ник чувствовал себя разбитым, опустошенным, растерянным.

События короткого ночного боя раз за разом прокручивались в его сознании, порождая сотни вопросов и тревог.

Кто были эти люди, что так дерзко и профессионально напали на конвой Совета Безопасности? Куда они затем исчезли? Что стало с остальными четверьмя его сослуживцами, такими же, как и он, молодыми ребятами из последнего добровольного призыва?

Тяжело размышляя над этим, Николай вдруг поймал себя на мысли, что совершенно растерялся, не знает, что делать дальше, а его взгляд непроизвольно шарит по небу в поисках спасительной точки разведывательного модуля, который, как полагал Николай, обязательно будет послан с базы Совета Безопасности Миров, когда станет очевидно, что конвой не выходит на связь в установленное время.

Однако никаких точек на небе не было и в помине. Создавалось неприятное, сосущее под ложечкой ощущение, что на Хаборе стряслась какая-то значительная беда...

* * *

Солнце уже взошло достаточно высоко, в горах стало теплее, вокруг проснулась неприметная глазу жизнь, напоминающая о себе тревожащими слух, незнакомыми человеческо-

му уху вскриками, шепотом волнующейся под ветерком растительности, звоном низвергающегося в глубины ущелья ручья.

Терзаемый страхами и сомнениями, Николай избрал путь назад, вниз по серпантину.

Его выбор объяснялся простой логикой: нападение на конвой произошло приблизительно посередине маршрута его движения, и было бы глупо теперь карабкаться дальше в гору, когда там Николая ждала лишь автоматика климатической станции. Внизу же, приблизительно в ста километрах от того места, где попал в засаду конвой, располагалась военная фактория.

Николая тяготили и мучили два вопроса: что стало с его товарищами и почему до сих пор не выслана поисковая группа?..

Чувство голода, поначалу резкое, сосущее, теперь немного притупилось. Шагая вдоль скал по загибающемуся вниз серпантину дороги, он вновь и вновь переживал ночной кошмар, и это уже становилось откровенно невыносимо. Однако заставить себя не думать о случившемся он не мог.

Постепенно взбудораженные мысли Николая немного улеглись, приняв некоторую упорядоченную направленность. С тревогой поглядывая по сторонам, он держал руки на автомате, который перекинул через шею на отпущенном ремне. В карманах его разгрузки*, надетой поверх кевларо-

* Разгрузка – вид экипировки десантника, предназначенной для ношения до-

вого бронезилята, было два запасных магазина, две гранаты, несколько сигнальных ракет. К поясу также крепились фляга с водой и десантный нож. Вся провизия в виде обязательно сухого пайка исчезла вместе с РД* и рацией, которые он, располагаясь на броне вездехода, беспечно снял, чтобы те не мешали развалиться в удобной позе.

Теперь поздно было жалеть о проявленной беспечности. Хабор считался планетой земного типа, и, вспомнив, что их не инструктировали специально, Ник решил, что местный белок не имеет радикальных отличий от привычного человеку. Однако местная жизнь могла содержать в себе иные биохимические соединения, которые при их употреблении в пищу способны оказать непредсказуемое воздействие на человеческий организм.

Он решил, что будет идти, пока сможет двигаться, а если помощь так и не появится, тогда уж и настанет пора экспериментировать с собственным метаболизмом.

Сейчас, когда силы еще не истощились, а с урчанием в пустом животе удавалось справиться несколькими затяжками безникотиновой сигареты (обычное дело – пачка сигарет оказалась засунута в клапан разгрузки, предназначенный для упаковки пищевого концентрата), мысли Николая блуждали еще очень далеко от проблематики выживания. Юности свойственна беспечность, и в этом Ник не отличался от

полнительных боекомплектов, ножа, индивидуальных пакетов, рации и т.д.

* РД – рюкзак десантника.

большинства своих сверстников.

В десантные подразделения Совета Безопасности Миров его привела простая жизненная необходимость. Своих родителей Николай не помнил, они погибли, когда ему было года четыре. Память мальчика мало что сохранила от тех лет. Иногда во сне к нему приходили странные обрывки кошмарных воспоминаний о каком-то коловращении мрачных, темных планетных масс, иногда в этих бессвязных кошмарах мелькали тревожные огни, прихотливо рассыпанные по приборным панелям какого-то космического корабля... или слепящая феерическая вспышка света на обзорных экранах. Но эти сны-воспоминания никогда не складывались в стройную цепь логических событий, и Николай привык относиться к ним как к вывихам собственного сознания.

Да, от раннего детства, от понятия «родители» у него осталось одно-единственное материальное свидетельство: несколько листов нетленной пластбумаги, исписанных крупным, размашистым почерком, который, как справедливо подозревал Николай, принадлежал его отцу, Генриху Лоури, космическому археологу по призванию.

Матери он вообще не помнил. Двадцать лет, которые он прожил на попечительстве государства, окончательно стерли в его памяти черты родных людей.

Ту дождливую, ненастную ночь, когда на Дансию прибыли два цинковых гроба, он не вспоминал никогда – об этом позаботились работавшие с ним психологи, но сам Николай,

естественно, этого не знал.

А четыре листа с черновиками статьи, вышедшей в свет уже после смерти родителей в одном из номеров ежемесячного обозрения «Все Миры», ему вручил старый пастор, настоятель храма в том городке, где жил и обучался Николай.

Он не любил перечитывать эти строки – они будоражили его уснувшую память, пытаясь вырвать нечто страшное из темных глубин безвременья, а Нику, привыкшему к своему статусу «сироты» и не видевшему в этом ничего подавляющего и ужасного, на самом деле совершенно не хотелось возвращаться в прошлое. Как большинство молодых людей, он вполне нормально развивался, имел друзей, интересы, мечты. Что могли дать ему какие-то гипотетические воспоминания? Николай подсознательно чувствовал – ничего, кроме боли, и потому не сильно ломал голову над данным вопросом.

До поры...

* * *

Пора задуматься пришла быстро и страшно...

На четвертый день он уже не бодро шагал, а тащился, едва передвигая ноги, по мокрой, заваленной ветками тропе, в которую превратилось дорожное полотно после прошедших ливневых дождей...

Тяжесть экипировки клонила к земле, давила, тянула вниз

непомерной ношей.

Вода кончилась; на дне пустой фляги бессильно бултыхался последний глоток теплой, отдающей нагретым пластиком жидкости.

Двое суток с небес рушилась вода – такого потопа Николай не мог припомнить за все шесть месяцев, что он провел в гарнизоне Хабора. Хляби наверху разверзлись всерьез и надолго. За его спиной толклись свинцовые тучи, цепляя вершины гор, нередко, освещая окрестности, били молнии, гром ворочался в высоте, то глухо, отдаленно, то ближе, резче, словно в небесах кто-то рвал листы плотного сухого картона...

Вконец измученный, к утру четвертого дня Николай добрался до знакомых мест.

Вход в долину, где располагалась временная фактория, построенная для торговли с немногочисленными поселившимися в предгорьях инсектами, был завален хаотичным нагромождением измазанных в глине, вырванных с корнем кустов, молодых деревьев и какого-то мусора.

Николай остановился, уже туго соображая, что к чему. От голода и усталости он ослаб, силы грозили вот-вот покинуть измученное тело. Страшно, запредельно хотелось пить. Вода Хабора, словно издеваясь над его жаждой, опять с неутомимой силой начала изливаться с небес – крупный дождь забарабанил по дороге, смывая с нее принесенную ночью грязь, вскипая фонтанчиками брызг в мутно-желтых лужах.

Ничего... – уговаривал Николай сам себя, беззвучно шевеля потрескавшимися, воспаленными губами, невольно хватая ими драгоценные капли, что омывали лицо, – уже немного... немного осталось...

Он проломился сквозь баррикаду веток, образовавшуюся на изгибе дороги у двух камней, которые создавали в этом месте подобие теснины. Николай шел, слабыми движениями распахивая по сторонам мокрые, скользкие ветви. Автомат болтался на шее, бил по груди, больно впиваясь рычажком затворной рамы под ребра...

Бронежилет он выкинул сутки назад. Все, что было лишнего, – тоже. Осталась только разгрузка, надетая поверх изодранной формы. Расстаться с оружием и боезапасом он бы не согласился ни за что...

Кое-как перебравшись через завал, образовавшийся после схода небольшого, но стремительного грязевого потока – селя, который пронесся тут накануне ночью, – он увидел наконец факторию.

Вернее, то, что от нее осталось.

Ровные, выстроенные в ряд обугленные остовы ангаров казались издали вросшими в почву почерневшими, блестящими под дождем скелетами давно погибших исполинских животных...

Несколько минут Николай в немом потрясении смотрел на них, потом сел, согнулся под дождем, уронив голову на положенный поперек колен автомат...

Нет, он не плакал.

Это дождь хлестал по спине, стекая за шиворот щекотливыми струйками воды, сбегая по щекам дорожками неиспитой влаги...

Просто он понял – ему конец.

Ухмылка судьбы, спасшей его в коротком ночном бою, обернулась страшной, мучительной гримасой. Нет ничего страшнее для человека, чем оказаться совершенно одному в чуждом твоей биологии мире.

Инсекты, которые чувствовали себя тут вольготно, все же отличались своим метаболизмом от людей.

Терпеть дальше не было смысла. Кто-то сжег, разграбил фабрику, и теперь ждать помощи ему оставалось разве что от Бога, в которого Николай, увы, не верил.

С трудом оторвав налитую свинцом голову от согнутых коленей, он заставил себя разогнуться и отцепить от пояса флягу. Допив последний глоток очищенной химическим путем воды и найдя место, где по камням бежал, низвергаясь крохотными водопадами ручеек дождевой влаги, Николай подставил узкое горлышко фляги под этот источник...

Потом он пил, долго, запоем, пока от воды не заболел живот.

Спускаться дальше, к разоренной фабрике, не хотелось. Николаю было страшно: вдруг он увидит там уже тронутые тленом трупы тех, кого хорошо знал...

Разум, казалось, уснул... Потеряв последнюю надежду,

Ник двигался, действовал скорее машинально, чем осознанно.

Мокрый автомат он не бросил. Это примитивное оружие оставалось его последней надеждой на выживание. Оглядевшись по сторонам, он, словно в полусне, пьяный от усталости, голода и отчаяния, сошел с дороги, не глядя вломившись в кусты.

Через некоторое время он вышел на небольшую прогалину, где рос жесткий, похожий на проволоку травостой.

По ходу, пробираясь сквозь кустарник, он заметил небольших ящериц, которые шустро сновали по веткам, обрывая нежно-розовые, похожие на развешанные конфетки шарики плодов.

Это был верный знак, что плоды не ядовиты, по крайней мере для местных форм жизни.

Николай, не останавливаясь, нарвал целую пригоршню. Плоды оказались терпкими, вяжущими рот, и он проглотил их чуть ли не с отвращением, несмотря на голод. Потом, ощущая, как от проглоченной пищи в животе заурчало, он нашел на краю прогалины раскидистый куст и залез под его нижние ветви, свисавшие почти до самой земли.

Внутри этого импровизированного шалаша было относительно сухо.

Он сел, привалившись спиной к корневищу.

Сил, чтобы развести костер, просто не было. Нужно было где-то искать сухие ветки, добывать огонь с помощью древ-

него, примитивного автомата... Нет, у него не осталось сил даже на то, чтобы жалеть себя...

Расстегнув разгрузку, он стряхнул ее с плеч.

Было тоскливо. Страх не было, отчаяние трансформировалось во что-то тягостное, неизбывное. Открыв подсумок, Николай достал магазин, выщелкнул из него патрон и попытался свернуть пулю, чтобы высыпать на ладонь порох. Естественно, его пальцы не справились с подобной задачей.

Тогда он стал осматривать автомат, ища, куда бы вставить пулю, чтобы вывернуть ее «рычагом».

Вдруг вспомнился инструктаж, который проводил усатый майор, выдавая им допотопное оружие. Он долго и толково объяснял про мораторий на поставку инсектам современных импульсных технологий, о том, что таким вот пороховым оружием они пользовались на Деметре, воюя против вымирающей колонии людей...

Ему вдруг стало смешно и горько. Чего стоили их усилия? Они ходили по планете, вооруженные архаичными механизмами, а те, кому вздумалось напасть, плевали на эмбарго и моратории. Он бы, наверное, не удивился, увидев у инсектов импульсные винтовки и плазмоизлучатели...

В конце концов ему удалось выковырять пулю.

Теперь, если он хотел получить огонь, ему нужна была бумага или что-то другое, такое же легковоспламеняющееся.

Вяло перетряхивая свой скудный скарб, Николай вдруг наткнулся на те самые листки пластбумаги...

Это была написанная от руки статья его отца...

Взгляд Николая машинально задержался на первых строчках, скользнул ниже...

«Прав был тот древний философ, который утверждал, что Вселенная изначально заражена жизнью. Так оно на самом деле и есть, просто мы, люди, до определенного момента своего развития не подозревали, что до нас уже существовало некоторое количество разумных жизненных форм.

Эволюция Вселенной до сих пор является загадкой, и наша Цивилизация (тут подразумевается не какой-то конкретный звездный союз или конфедерация, а именно Цивилизация, ибо, при всей нашей разобщенности, планетных отличиях, взаимной неприязни многих народов друг к другу и прочих нюансах взаимоотношений, мы были, есть и будем Цивилизацией Людей, имеющих единую историческую прародину, откуда давным-давно началась история всех двухсот пятнадцати заселенных планет) – так вот, наша Цивилизация в данный момент едва приподняла завесу великого таинства Эволюции Вселенной.

Мы со страхом, смущением и трепетом встретили известие о таких мирах, как Сфера Дайсона и Деметра, затем нас потрясло открытие Рукава Пустоты и, наконец, Черная Луна, материалы по которой наконец рассекречены и стали достоянием истории.

Перед нами постепенно, век от века воссоздается картина

прошлого, встают на свои места кусочки мозаики, и на наших глазах происходит нечто потрясающее, необыкновенное – с собранного лишь частично исторического панно вдруг начинают проглядывать черты трех исчезнувших рас. Я сознательно употребляю термин «исчезнувших», ибо те деградировавшие остатки некогда могучих, цивилизованных народов, которые на сегодняшний день представлены инсектами Деметры и их генетическими творениями – спейсбаллами Сферы Дайсона, – эти существа сегодня не имеют ровным счетом ничего общего со своими предками, противостоявшими величайшему бедствию в Галактике три миллиона лет назад. Можно сказать, что они сохранили их облик, анатомию, но никак не знания и дух цивилизаций той роковой поры...

Три миллиона лет... Порой мне трудно думать об этой цифре. Подвиг тех цивилизаций безмерен – последние документы из рассекреченных архивов Черной Луны позволяют утверждать, что они остановили миграцию Предтеч, когда те находились всего в каких-то тридцати-сорока световых годах от планеты Земля, откуда идут исторические корни человечества.

Интересен тот факт, что никто из представителей древних народов не предполагал всерьез, что именно на Земле возникнет вид *homo sapiens*, – они защищали жизнь как таковую, во всех ее проявлениях.

Следует сразу оговориться, чем являются Предтечи, хо-

тя сейчас трудно представить себе подобную форму жизни. Эти существа – современники Большого Взрыва, аморфные сгустки протоматерии, заключенной в кокон электромагнитной ловушки. Амебы первобытного космоса. Они питались любым веществом, начиная от межзвездной пыли и газа и заканчивая целыми планетами, если таковые попадались на пути их разрушительной, стихийной миграции. Именно поэтому неуправляемые, неразумные орды Предтеч стали бичом доисторического мира – они угрожали всему существу, с ними нельзя было поладить или договориться, против них можно было лишь бороться всеми доступными средствами.

И они боролись. Я имею в виду две известные нам на сегодняшний день расы древнего космоса. Угрозу со стороны Предтеч трудно переоценить – орды неразумных тварей в буквальном смысле сметали все доступное вещество на своем пути, зачастую уничтожая целые планетные системы, будто саранча, поедающая свежие всходы посевов... и, как следствие, методы борьбы с ними были столь же впечатляющи и неадекватны современным понятиям обороны...

Трагедия древнего мира разворачивалась на протяжении десятков тысяч лет. Нам известно, что инсекты построили Сферу Дайсона, пытаясь найти убежище внутри этого титанического искусственного сооружения, дельфоны (так теперь принято обозначать расу ластоногих гуманоидов, первое знакомство с которыми произошло в теперь уже печально известной системе Черной Луны) – так вот, дельфоны

предпочли активную борьбу: они взрывали звезды на пути миграции Предтеч, сжигая тех во вспышках сверхновых. Но существовала еще и третья раса, о которой нам неизвестно практически ничего, кроме нескольких исторических свидетельств контакта с ними инсектов, данные о чем были почерпнуты у Интеллекта – фотонного кристаллического мозга, созданного инсектами для управления сферой Дайсона.

По этим скудным данным мы можем утверждать лишь то, что эти существа оказались разительно непохожи на людей, по крайней мере внешне. Но не исключено, что именно они посещали Землю на протяжении долгого и трудного исторического развития нашей цивилизации, однако в современном космосе их уже нет, то есть пока нами не обнаружено ни их родной планеты, ни каких-либо иных поселений.

Странная, загадочная раса, о которой мы знаем лишь то, что их облик очень далек от человеческого термина «гуманоид».

Однако, памятуя о том, какие титанические усилия были предприняты инсектами и дельфонами в связи с катастрофической миграцией Предтеч, трудно предположить, что третья существовавшая в том периоде раса осталась в стороне от катастрофических событий древнейшей истории. Отсюда, если провести аналогию, возникает закономерный вопрос – инсекты построили сферу Дайсона, дельфоны уничтожили порядка двадцати восьми звезд, оставив после себя печально известный Рукав Пустоты, а что предприняли в

тех условиях высшие (таким термином я бы обозначил расу непохожих на людей существ)? Трудно сейчас ответить на загадку их бесследного исчезновения, но я думаю, опять-таки проводя аналогии с другими расами древности, что они должны были предпринять какую-то титаническую, неадекватную нашим представлениям попытку изменить ход событий. Возможно, это была попытка бегства целой цивилизации в иные галактические пределы – не знаю, но думаю, что нужно искать, они не могли сойти без следа со сцены Галактической Истории в столь трагичный и судьбоносный момент. Просто мы еще не встретили свидетельств их попыток спастись или спасти мир...

Теперь, когда часть этих вех древней истории уже открыта, возникает вполне закономерный вопрос: как человечество вписывается в общую картину эволюции Разума во Вселенной? Кто мы – наследники исчезнувших цивилизаций? Их потомки? Или, быть может, мы – закономерный шаг эволюции, ступенька вверх?

Сейчас, обладая лишь крохами знаний, ответить на этот вопрос практически невозможно. Пока что уникальным кладом знаний не владеет никто. Общий шок после публикации архивных материалов по Черной Луне уже прошел, но правительства сотен планет слишком озабочены своими внутривселенскими проблемами, чтобы продвигать и финансировать серьезные археологические изыскания в Рукаве Пустоты. Проблема состоит еще и в том, что планеты,

на которых ранее существовали высокоразвитые поселения, в данный момент мало пригодны для жизни. Как правило, это зараженные радиацией, лишенные своих солнц, темные и мертвые миры, уже печально прославившиеся своим коварством, множеством опасностей и неприятной враждебностью ко всему живому, словно бы всех планет в Рукаве Пустоты коснулось разлагающее дыхание злой и могучей воли...

Однако все вышеперечисленное не отпугивает тех, кто понимает истинную рыночную цену похороненных на проклятых мирах технологий, артефактов и знаний. Первая волна всепланетного бума уже прошла – сотни предприимчивых групп, возжелавших легкой добычи, дополнили собой печальный список жертв мертвых планетоидов Рукава Пустоты, и горячие головы сильно поостыли. Но вслед за этой спонтанной волной исследователей и авантюристов на галактической сцене постепенно возникла новая, куда более опасная, расчетливая и подготовленная сила. Межпланетные синдикаты, могучие корпорации, теневые группировки и им подобные структуры быстро поняли, какую выгоду можно извлечь из мертвых миров, если вырвать оттуда образчики и тайны древних технологий. Самыми безобидными из них являются торговцы артефактами, самыми же опасными – те, кто охотится именно за технологиями военного профиля, то есть, попросту говоря, ищет пресловутое «абсолютное оружие». Конечно, очень сомнительно, что оно существует, но

некоторые образчики технологий, появившиеся на галактических рынках, заставляют задуматься над тем, что люди еще могут крупно пожалеть о том моменте, когда первый разведывательный корабль проник за границу Рукава Пустоты.

Ну а пока общественное мнение пребывает в удивленно-пренебрежительном ступоре, правительства большинства планет озабочены лишь внутренними проблемами, человечество разобщено и разбросано по сотням звездных систем, в Рукаве Пустоты орудуют отряды так называемых «черных археологов».

Нужно сказать, что при всей неприязни к этим людям, жертвующим бесценными научными знаниями ради получения сиюминутной прибыли, нельзя не отдать должное их смелости. Как правило, отряды «черных» работают на определенных заказчиков и представляют собой неоднородный сплав неординарных личностей, связанных, по моему мнению, жадной наживы и приключений.

И тем тревожнее за судьбу нашей расы. Порою мне кажется, что мы вплотную подошли к той пропасти, в которую канули древние цивилизации, и со странным, почти мазохистским любопытством заглядываем в ее непроглядные глубины, пытаясь рассмотреть во мраке веков собственную смерть...

Нет... Он не мог это сжечь...

Рука Николая бессильно соскользнула с листов.

Ему было плохо. Сильно мутило. В животе от выпитой воды и съеденных ягод появились жжение и резь.

Он трясся в ознобе, а щеки пылали, покрывшись нездоровым румянцем.

Голова медленно, бессильно свешивалась набок.

Дождь по-прежнему хлестал с неутомимым, монотонным упрямством. Пальцы Николая разжались, гильза выскользнула и скатилась во влажную траву.

Он медленно погружался в беспамятство лихорадки и потому не видел, что из-за пелены дождя за ним наблюдают настороженные фасетчатые глаза разумного насекомого.

ГЛАВА 2

Точка пространства – неизвестна. Реальное время – неизвестно.

Мы очень любим «очеловечивать» свои создания.

Давая имена собственным любимым механизмам, внося эту трогательную нотку во взаимоотношения живого с неживым, человек века двадцатого, сам того не подозревая, закладывал фундамент будущих отношений между создателями и их кибернетическими подобиями.

Кибернетический мозг корабля был именно таким творением.

Он даже имел имя собственное – КИМ, что в расшифровке аббревиатуры означало: Кибернетический Искусственный Мозг.

Однако дело было не в названиях и именах, а в сути.

Электронный мозг космического корабля представлял собой сложнейшую самонастраивающуюся сеть, составленную из отдельных блоков, и нес в себе вполне ясные, описанные программным языком задачи. Вся его индивидуальность, поведенческие функции, генераторы случайных эмоциональных оттенков – все это являлось вторичными, прикладными функциями. Главным же для него было эффективно управлять полетом космического корабля и при этом

охранять вверенные ему человеческие жизни.

Однако экипаж, который бодрствовал по сменам и испытывал жесточайшую скуку в процессе затянувшегося на десятилетия полета под достаточно маломощным фотонным парусом, год от года, вахта за вахтой, подтачивал эту самую вторичность, общаясь с Мозгом корабля скорее как с человеком, нежели как с машиной, и находя такой процесс забавным, трогательным и приятным.

Никто на борту, вероятно, не задумывался над тем фактом, что ими самими был выкован искусственный интеллект, ибо корабль, как и вся космическая техника начала двадцать четвертого века, создавался с огромным запасом прочности и мощность бортовой вычислительной машины оказалась настолько велика, что для управления кораблем хватало на первых порах и десятой ее части.

Все остальные программные и аппаратные ресурсы Мозга постепенно, год от года, переходили в распоряжение возникших уже в полете вторичных связей – там властвовали нейросетевые блоки, и этот процесс, в силу ряда причин, оказался необратим.

Бортовой компьютер начал мыслить как человек, действовать как человек и, соответственно, вести себя тоже как человек. Экипаж космического корабля видел это, но не находил такое положение вещей неприемлемым.

Мозг осознал самого себя, но это осознание все же контролировалось его основными программами, не выходило

за определенные рамки... до тех пор, пока он не очнулся в изуродованном, разрушенном корабле и не понял, что допустил две чудовищные ошибки – одну в далеком прошлом, а другую в настоящем.

Он понял, что должен исправить их, причем обе, иначе его существование теряло свой смысл, ставилось под сомнение, и он действительно не знал, что будет делать дальше, если вдруг ему не удастся устранить этот внутренний конфликт...

* * *

Тишина...

Гробовая тишина уже давно стала полновластной хозяйкой данного места.

Огромный зал тонул в полумраке, который лишь слегка разгонял призрачный голубоватый свет, исходящий от целого ряда полупрозрачных колонн, расположенных вдоль стены узкого и длинного помещения, чуть под наклоном к ней, так что создавалось впечатление, будто их просто прислонили тут на время...

Некоторые из них были темны как ночь, иные светились, источая бледный нереальный свет, оконтуривавший вертикальные лежа, вдавленности на которых однозначно указывали: тут должны присутствовать люди.

Если бы кому-то удалось чудом попасть в это затхлое, отдающее пылью веков помещение и скользнуть взглядом по

теряющемуся во мраке ряду наклоненных к стене прозрачных цилиндрических саркофагов, этот мифический наблюдатель, вкусив вязкой тишины и затхлых запахов данного места, был бы удивлен и шокирован тем, что в одной из низкотемпературных усыпальниц действительно находилось человеческое тело.

Абсолютно нагая женщина, объятая бледным, фантомным сиянием статис-поля, застыла внутри цилиндра, не подавая совершенно никаких признаков жизни... до поры.

О том, что такая пора наступила, оповестил целый ряд событий.

Во-первых, под ячеистым потолком, где в чисто функциональной, совершенно неэстетичной гармонии сплетались толстые трубы для криогенных жидкостей и вились черные связки гляцевитых кабелей питания, вспыхнул неяркий, рассеянный свет, который источали закрепленные среди хаоса труб редкие декорированные плафоны, кажущиеся несколько неуместными на фоне обнаженных техногенных внутренностей корабля.

Следом ожили регенераторы воздуха, чьи вытяжные отверстия виднелись в равной степени как на стенах и потолке, так и в полу. Запах затхлости как-то незаметно исчез, улетучился, а новый воздух помещения казался свежим, бодрящим и даже пах какими-то давно позабытыми ароматами...

На отдельно стоящем пульте управления, с которого контролировались процессы низкотемпературного сна, робко

засветилось несколько экранов, и по шеренгам датчиков вдруг пробежал прихотливый узор разноцветных огней.

Цилиндр, где полулежала нагая женщина, внезапно помутнел изнутри, в нем туманным маревом взвихрился какой-то газ, на минуту совершенно скрыв очертания человеческой фигуры. Потом, спустя некоторое время, тишину зала нарушило отчетливое шипение сжатого воздуха, и наклоненный к стене цилиндр внезапно разделился на две половины. Его прозрачный колпак, удерживаемый двумя телескопическими штангами, медленно поднялся вверх. Газ из-под него моментально улетучился. Голубоватое мерцание статис-поля исчезло, и чуть порозовевшее тело женщины теперь удерживалось лишь перехлестнувшими грудь, бедра и живот страховочными ремнями.

Улетучившийся газ оставил после себя резкий неприятный запах медикаментов.

Теперь в изголовье открывшейся камеры, среди сплетения тонких проводков, тянувшихся к укрепленным на теле датчикам систем жизнеобеспечения, стала заметна небольшая прямоугольная пластиковая табличка, на которой красивыми буквами значилось:

«Эллис Хойланд. Второй навигатор. „Антей-1264“.

Спустя полчаса после того, как приборы на пульте зафиксировали появившееся сердцебиение, с полуоткрытых губ Эллис сорвался слабый, мучительный вздох.

Она приходила в себя тяжело, долго.

Ее нагое тело покрылось мелкими бисеринками пота, мышцы то начинали непроизвольно сокращаться, то замирали, окаменев от напряжения, то расслаблялись, и тогда лишь тонкие изломанные линии, ползущие от среза к срезу контрольных мониторов, свидетельствовали в пользу того, что она все еще жива и процесс пробуждения идет своим чередом.

Наконец ее веки дрогнули и открылись.

Эллис было холодно... Мучительно холодно...

Тело моментально отреагировало на первое осознанное ощущение – бледная кожа тут же покрылась мурашками. Эллис с видимым усилием скосила глаза, пытаясь понять, вспомнить, кто она, где находится и почему ей так мучительно тяжело и холодно...

Вид темных криогенных камер, которые возвышались по обе стороны раскрывшегося саркофага, напомнил о многом. Приоткрытые, обметанные лихорадкой губы Эллис сомкнулись в плотную линию. Она попыталась сделать движение, поднять руку, но добилась лишь очередного конвульсивного спазма мышц.

Память медленно возвращалась к ней. Эллис узнала этот зал, вспомнила, что за темные столбы возвышаются вокруг, и ее вдруг охватила неосознанная тревога – почему в криогенном отсеке никого нет?..

Подобные мысли не могли облегчить необычайно тяжелых постэффектов низкотемпературного сна. Никогда еще

Эллис не выходила из состояния анабиоза так мучительно и долго.

Господи, Коллинз, где ты? Почему же ты меня не встретил, милый?..

Мысль о муже позволила ей немного прийти в себя, собраться с силами. Тревога, проснувшись вместе с сознанием, не отпускала, и блуждающий в груди холод казался от этого еще пронзительнее и резче...

Наконец Эллис удалось приподнять руку и уцепиться бледными пальцами за наклонный край низкотемпературного саркофага. Как ни странно, но это ничтожное усилие согрело ее, напомнило о том, что она вновь жива и может, должна двигаться...

Напрягаясь, борясь с дурнотой, которая волнами подкатывала к горлу, она сделала еще одно усилие и вдруг очутилась на ногах. Цепляясь руками за холодные, темные колпаки пустующих камер, Эллис кое-как добрела до встроенных в переборку по обе стороны от выхода из отсека шкафчиков и, распахнув один из них, увидела в его глубинах стандартный набор полетной униформы, нижнее белье и, главное, большое махровое полотенце из синтетической ткани.

Поборов возникшее искушение сразу же схватить его, Эллис дрожащими от напряжения пальцами пошарила по полке, пока не наткнулась на заботливо уложенные в отдельном углублении капсулы стимулятора. С трудом вскрыв упаковку, она вытащила два янтарных шарика, засунула их под

язык и резко зажала рот обеими ладонями, ведя мучительную борьбу со своим желудком, который тут же взбунтовался, мгновенно отреагировав на рефлекторную работу слюнных желез.

Спустя некоторое время ей стало значительно легче. Действие стимулятора было оглушающим – Эллис вдруг почувствовала, как кровь ломится ей в виски глухими, ритмичными толчками, да и мышцы уже не казались такими дряблыми и беспомощными, как за минуту до этого.

Взяв с полки полотенце, она тщательно, даже с некоторой брезгливостью стерла с себя липнущие к телу остатки желеобразной массы из криогенной камеры. Потом взяла комплект одежды, с наслаждением ощутив теплое прикосновение ткани к своей заледеневшей коже...

Вместе с ощущением жизни к ней вдруг как-то разом вернулись все страхи.

Тишина вокруг стояла слишком вязкая и неправдоподобная.

Эллис подавила в себе рефлекторное желание кинуться к панели интеркома.

Хороша ты будешь, выйдя на связь по общей сети в таком виде...

Одеваясь, она непроизвольно продолжала слушать тишину, и ее едва осознанный страх стремительно рос.

Даже слабые попытки здравого смысла как-то прояснить ситуацию не помогали – Эллис не забыла, что находится на

борту космического корабля, в глубоком космосе, очень далеко от Земли и у немногочисленного экипажа могут быть сотни причин оставить ее просыпаться одну. Любая самая незначительная нештатная ситуация требовала присутствия на рабочих постах всех бодрствующих, и это могло и даже должно было объяснить тишину, но...

Эллис застегнула магнитные липучки униформы, обернулась...

Вот что, оказывается, подспудно тревожило ее!..

Все криогенные камеры, включая те, что предназначены для резервных специалистов, были пусты!..

Такое могло случиться лишь в одном случае – они прилетели!

От этой мысли стало и легче, и тревожнее одновременно. Одни страхи вроде бы ушли, отступили, но на их место тут же вползли новые.

Эллис подошла к вмонтированной в стену панели интеркома, положила палец на углубление сенсора, секунду поколебалась, а потом чуть нажала на мягкий, податливый материал псевдокнопки...

Экран интеркома осветился практически мгновенно.

В его глубинах возник отлично знакомый Эллис фрагмент ходовой рубки «Антея»: несколько секторов обзорной сферы демонстрировали рассыпчатый узор звезд, на их фоне скупно перемигивались огни приборных панелей, на переднем плане в фокусе передающей камеры затылком к ней си-

дел человек.

Эллис не успела угадать, кто бы это мог быть, как человек обернулся.

Это был капитан Нортон. Дейвид Нортон...

– Да?.. – хмуро осведомился он, пытаясь узнать лицо вышедшей на связь с рубкой женщины. Конечно, как командир корабля, он знал каждого члена экипажа, но в текучке полета, который длился не один год, лица одних становились ближе, роднее, а других – постепенно отдалялись на периферию памяти.

– Эллис Хойланд? – выдержав некоторую паузу, полувопросительно произнес он. – Вы проснулись?

– Да, капитан. – Она невольно выпрямила чуть ссутулившиеся плечи.

– Что вы хотели мне сообщить?

Эллис вдруг почувствовала, что краснеет. Господи, как глупо все вышло... Сейчас, наверное, подумает – истеричка. Посоветует зайти в медблок, показаться Святогору...

– Я хотела узнать, все ли в порядке на корабле, капитан? – Несмотря на внутреннее замешательство, голос Эллис остался тверд. – Я вышла из сна в полном одиночестве, и это показалось мне странным.

На лице Нортонa не дрогнул ни один мускул. За все время их короткого разговора Эллис не заметила на нем следов какой-либо мимики. Черты капитана казались каменными, застывшими.

– Все в порядке, навигатор. Мы приближаемся к Альфе, поэтому разбужен весь действующий состав экипажа. У вас, видимо, задержался процесс пробуждения. Думаю, тут нет причин для беспокойства. – Он скосил глаза чуть вбок, и это было первым изменением на его лице за весь разговор. – У вас есть еще тридцать минут до объявления общего сбора. – Очевидно, он смотрел на бортовой хроно. – Приятного пробуждения.

Эллис кивнула.

– Спасибо, капитан. Я буду вовремя.

Экран перед ней, мигнув, погас.

И тут же, несмотря на разъяснение ситуации и испытанное от этого облегчение, на нее со всех сторон опять навалилась тишина – злая, давящая, вязкая.

Эллис тряхнула головой, резким движением захлопнула шкафчик и приложила ладонь к светящемуся углублению сканера подле двери.

Овальная преграда с шипением уползла в стену.

Эллис вышла в кольцевой коридор яруса. Тут было светло, тихо и чисто. Стерильно чисто. Вдоль меньшего радиуса закругления стен бежала серая полоса транспортной дорожки.

Она посмотрела в обе стороны коридора и, пожав плечами, пошла к шахте главного лифта.

Шагая по коридору, Эллис, помимо дурноты, внезапно ощутила раздражение. Если ее навязчивые, подспудные страхи напрасны и на борту все в порядке, то отчего ее не

встретил хотя бы Коллинз? Уж он-то наверняка не забыл о ней?!

Мысль о муже почему-то не согрела, как это бывало обычно, а, наоборот, лишь усилила раздражение и вернула тревогу.

Все было не так... Все...

Тело под свежей униформой казалось грязным, оно испытывало зуд, и сейчас Эллис хотела непременно сделать две вещи: принять душ и задать парочку вопросов Коллинзу.

Двери лифта распахнулись при ее приближении, кабина оказалась свободна, и... опять ее поразила эта стерильная чистота!..

Нет, на космическом корабле, конечно, поддерживался порядок, который, с точки зрения земных поселений, можно было назвать словом «идеальный», но она не помнила того, чтобы, заходя в лифт, ощущала тут запах медикаментозной стерильности...

Странно...

Она коснулась сенсора, и капсула лифта провалилась вниз, к уровню жилой палубы «Антея».

* * *

Войдя в каюту, Эллис сразу же увидела его. Коллинз сидел спиной к входу за подковообразным рабочим столом, по краям которого возвышались скошенные панели компью-

терных терминалов. Перед ним в пространстве голографической сферы мерцали проложенные в трех измерениях курсовые нити. Все они так или иначе тянулись от их корабля, фантомная модель которого тоже присутствовала в пространственной схеме, к трем планетам, висевшим на разном удалении от звезды, – одна серая, вторая песочно-желтая, а третья выглядела как красно-черный шарик, расколотый линией терминатора на две неравные по размеру части...

Эллис застыла в дверях, глядя на его знакомый, ровно стриженный затылок, и все ее раздражение, которое она испытывала минуту назад, куда-то ушло, испарилось...

Коллинз, милый, как мы давно не виделись с тобой... Целую вечность... Ледяную вечность искусственной смерти...

– Колл... – позвала она, радостно предчувствуя, как он сейчас обернется, увидит ее... обрадуется...

Он обернулся, но совсем не так, как ожидала Эллис.

Коллинз зачем-то встал и только тогда посмотрел на нее, повернувшись всем корпусом, словно волк, у которого от природы не гнется шея.

– Здравствуй, дорогая, – протянув Эллис обе руки, спокойно, едва ли не бесстрастно произнес он.

Нервная дрожь предательским холодком скользнула вдоль позвоночника Эллис.

– Здравствуй... – растерянно ответила она, не понимая причины такой ненормальной, очевидной перемены его поведения. – Коллинз, почему ты меня не встретил при выхо-

де из сна? Что случилось? – Этот вопрос вырвался у нее помимо воли, в нем неосознанно сконцентрировались все то недоумение и подспудный страх, которые копились в ее душе с момента пробуждения каких-то полчаса назад...

– Ничего, – спокойно ответил он, пожав плечами. – Эллис, мы входим в систему Альфы, и весь экипаж занят по горло. Я тоже работал, как видишь...

Эллис кивнула, от обиды непроизвольно закусив губу.

Да, она на секунду позволила себе забыть, что они прежде всего являлись членами экипажа космического корабля, астронавтами, и такой ответ являлся вполне разумным, закономерным, логичным, но... только не в устах моего Коллинза!..

– Хорошо, милый... – У Эллис вдруг стало так погано на душе, что она даже не коснулась протянутых ей навстречу рук. – Извини, я хочу принять душ и переодеться.

С этими словами она прошла мимо, каждым своим нервом ожидая, надеясь, что вот сейчас он наконец опомнится, бросится вслед, обнимет, извинится. Скажет, что просто заработался, устал, и тогда все вокруг опять потеплеет, станет прежним, нормальным, понятным, уютным и человечным, но...

...Она услышала, как за ее спиной Коллинз, что-то бормоча себе под нос, уселся назад, в кресло перед работающими терминалами навигационного симулятора.

– Извини, Эллис, я не могу сейчас... – дошел до ее слуха обрывок произносимой им фразы.

Она вошла в душевую кабинку, открыла воду и с отвращением содрала с себя недавно надетый комбинезон.

Выдавив из краника порцию мыла в ладонь, она шагнула под упругие, теплые струи воды и принялась с непонятным самой остервенением намыливаться, будто желала очиститься от своего страха, недоумения, обиды...

Может быть, с ним что-то случилось, пока я спала? Может, он изменил мне? Влюбился?

Нет... Нет, это полная чушь...

Эллис знала, что Коллинз не мог влюбиться ни в кого другого, даже если бы очень этого захотел, по крайней мере тут, на борту «Антея». Ее уверенность была вполне оправданна и основывалась на том жестком отборе, который они проходили в период предполетной подготовки. Только одна пара из сотни претендентов попадала в список экипажа. Первая попытка человечества достичь иных миров стоила так дорого и на нее возлагалось столько надежд, что рисковать, пренебрегая какими бы то ни было факторами, никто не хотел и, очевидно, не имел права. Полная, стопроцентная психологическая совместимость как всего экипажа в девяносто шесть человек, так и отдельных его составляющих – пар мужчина – женщина, – была достигнута путем жесточайшего отбора, тысяч тестов, проверок, изнурительных совместных тренировок... Каждый из них являлся настоящим профессионалом в нескольких областях человеческих знаний, и, как уже было сказано, экипаж представлял собой исключитель-

но пары – в нем насчитывалось равное количество мужчин и женщин. В период долгого, почти семнадцатилетнего перелета они бодрствовали посменно, так же парами, по десять постов на весь корабль, то есть двадцать человек одновременно. Потом смена на шесть месяцев уходила в криогенный сон, а другая, соответственно, пробуждалась.

Нет, за те несколько часов, что Коллинз, проснувшись, провел без нее, ничего подобного не могло произойти в принципе.

Единственное, что могла предположить Эллис, – с Коллинзом, наверное, что-то случилось во время криогенного сна. Может, он болен или испытал шок при некорректном пробуждении? Такое, к сожалению, уже бывало, и не раз. Процедура низкотемпературного упокоения четырех пятых экипажа значительно сэкономила ресурс корабля и решала проблему полноценного отдыха «лишних» смен, но крионика являлась достаточно молодой наукой, и процессы гибернации организма не всегда поддавались стопроцентному прогнозированию.

Да, Коллинз вполне мог пасть жертвой какого-нибудь случайного вывиха криогенных процессов. Эллис по себе знала, как это неприятно, да и другого разумного объяснения его странному поведению она не находила. «Но если так, значит, я повела себя как эгоистичная дура? – вдруг подумалось ей. – Возможно, он не совсем владеет собой, недавно проснулся, а тут подход к системе, такая дикая нагрузка на всех навига-

торов. Да, наверное...»

Размышляя над этим, Эллис вдруг успокоилась. Чувство опасности, какой-то неправильности происходящего немного притупилось, поблекло.

Его нужно развеять... – решила она. – Да и самой поменьше напрягаться, мало ли какая пакость может пригрезиться по выходе из низкотемпературного гроба, и не такое бывало...

Обида от таких мыслей исчезла совсем, осталась разве что досада на свою собственную черствость.

Она подставила лицо упругим струям теплой воды, расслабляясь, согреваясь...

– Господи, Коллинз, ну что ты там бормочешь? – через некоторое время не выдержала она, расслышав сквозь шелест падающих струй воды, что он продолжает монотонно бубнить себе под нос какие-то фразы. С чисто женской непоследовательностью в мыслях Эллис вдруг представила его сидящим за столом, вспомнила, чем они любили заниматься в тесной душевой кабинке, и ее охватило наконец это чувство радостного, пьянящего осознания собственной жизни...

Никогда еще выход из криогенного сна не был для нее столь мучителен и непригляден, как на этот раз.

– Коллинз... – негромко позвала Эллис, отлично зная, что он услышит ее. – Иди сюда, милый...

За полупрозрачной, матовой стенкой душевой кабинки

стихло бормотание, и раздалось мягкие, тонушие в ковровом покрытии каюты шаги.

Она ждала, что он поймет ее призыв, но Коллинз вел себя как сущий истукан – он открыл раздвижную дверь в том виде, как был пять минут назад, – в форменном полетном мундире, с застегнутым наглухо тесным стоячим воротничком.

– Эллис, дорогая, я не... – попытался произнести он все ту же идиотскую фразу, но не успел ее окончить. Эллис вдруг захотелось его проучить, и она потянула мужа под струи воды прямо в одежде.

Он попытался оттолкнуть ее, но, потеряв равновесие, оказался рядом с ней, под теплыми, шуршащими струями.

Она успела заметить, как он дернулся, будто его ударило током. Черты его лица дрогнули, но не исказились, а скорее изломались, он издал странное, непохожее на речь шипение... а потом вдруг начал наливаясь свинцом, обмяк на ее руках...

Эллис вскрикнула от неожиданности: все случившееся заняло от силы пару секунд...

Вода по-прежнему была из душевых отверстий кабинки.

Она еще не понимала, что произошло, пытаясь удержать от падения навалившееся на нее тело мужа, как вдруг внутри у Коллинза, под одеждой, что-то отвратительно зашипело, и смрад горелых кремниевых микросхем смешался с отвратительным запахом растворяющейся пеноплоти...

Эти запахи она не могла спутать ни с чем – так воняет

перегоревший бытовой автомат.

Эллис дико взвизгнула, пытаясь оттолкнуть от себя огруженное тело, на котором пузырилась кожа. От страха – откуда взялись силы – она уперлась ему в грудь, ощущая в руках покалывание электрических разрядов, пихнула и...

Коллинз... Ее Коллинз вывалился из душевой кабинки будто испорченный манекен...

Он ударился об пол спиной и затылком, но мягкое ковровое покрытие поглотило звук, превратив его в тихий шлепок.

Как описать тот шок, что пережила Эллис в эти секунды?

Она стояла под струями теплой воды, нагая, сжавшаяся в комок, ее колотила нервная дрожь, губы побелели, кожа выцвела, а расширенные от ужаса глаза смотрели в одну точку – туда, где истекал зловонным дымком ее муж, сменный навигатор «Антея» Коллинз Хойланд.

Страшный, ирреально странный, неправдоподобный по своему смыслу миг длился для нее вечность...

Сознание протестовало – оно не хотело поверить в очевидность случившегося, а организм уже по-своему отреагировал на события. От переизбытка адреналина гудело в ушах, мышцы мелко дрожали, непроизвольно сокращаясь...

Все это чудовищное замешательство вылилось в одном: Эллис выскочила из душевой кабинки, как обезумевшая метнулась к выходу из каюты, остановилась, ошалело дернувшись к панели внутренней связи, опять остановилась, нагнулась взглядом на тело Коллинза и вдруг, не вынеся нерв-

ного напряжения, стала медленно отступать, хватая руками воздух за спиной в поисках какой-нибудь точки опоры, но не нашла – ноги подкосились, сознание поплыло, затуманилось, обстановка каюты завертелась перед глазами в бешеном вихре подробностей скудной мебелировки, и Эллис, уже без чувств, осела на пол...

...Видеокамера, укрепленная под потолком и обычно бездействовавшая по взаимному согласию членов экипажа и капитана Нортон, которому подчинялись системы безопасности корабля, внезапно ожила, повернулась в ее сторону, нервно всхлипнув сервомоторами, и уставилась на бесчувственное тело женщины своим холодным немигающим взглядом.

Через несколько минут в коридоре за дверью раздались шаги, и в помещение вошли двое: капитан Нортон и бортовой медик из состава третьей смены Станислав Святогор, которого члены экипажа между собой называли просто Святогор – за его высокий рост, недюжинное телосложение и удивительно мягкий характер.

– Ее нужно одеть, – произнес капитан, отодвигая дверь встроенного в переборку шкафа-купе. Указав на стопку стерильной, упакованной в прозрачный пластик форменной одежды, он шагнул к терминалу компьютера, и из его указательного пальца, раздвинув кожу, вдруг выползла игла соединительного шунта-интерфейса. Воткнув его в специальный разъем на пульте, предназначенный для подключения

бортовых кибермеханизмов, он на секунду застыл, общаясь с системой корабля, затем, не вынимая разъема, повернул голову и произнес:

– Сделай ей укол. Нужно блокировать память. Фрагмент придется переиграть.

Вынув палец из разъема пульта, он со щелчком втянул в него иглообразный переходник и склонился над телом Коллинза, с которого наполовину сползла искусственная кожа, обнажив под собой хромистую сталь, пластик и замысловатые сочленения гибких сервоприводов.

* * *

Сознание возвращалось к ней медленно, прорываясь сквозь муть беспамятства неясными картинками образов.

Она увидела край рабочего стола-терминала, чьи-то ноги в поле зрения... Затем над ней кто-то склонился, и Эллис, еще плохо соображая, что происходит, с трудом узнала лицо бортового сменного врача.

Вместе с проблеском сознания вернулась память о только что пережитом, и ее вдруг затрясло с новой силой.

Святогор держал в руках внутривенный инъектор.

Эллис слабо пошевелилась, внезапно ощутив, что она одета, но правый рукав полетной формы оставался расстегнут и сейчас был закатан почти до предплечья.

– Не надо, – слабо запротестовала она, давая понять, что

приходит в себя. – Сейчас пройдет... – Эллис имела в виду колотившую ее дрожь. – Сейчас... Я сама...

Святогор, который уже коснулся ее кожи стерилизующим тампоном, остановил свое движение, посмотрев вбок.

– Быстрее!.. – раздался голос второго человека, находившегося в каюте. Эллис не пыталась увидеть его, так как узнала отрывистый, резковатый бас капитана Нортон. – Она очнулась! Действуй быстрее! – приказным тоном повторил он.

Это был какой-то кошмар...

Что он говорит? Почему плохо то, что я очнулась?

– Капитан, не нужно со мной ничего делать! – взвизгнула она, лихорадочно попытавшись вскочить.

Железные пальцы Святогора перехватили ее слабую попытку взмахнуть рукой.

– Что ты делаешь?! – Эллис тяжело дышала, прижатая к полу. – Я не хочу! – выкрикнула она.

– Так нужно. – Голос бортового медика был спокоен, сух и деловит.

Эллис отчаянно сжалась в комок. Рука Святогора, удерживающая ее за запястье, действительно казалась железной, иначе не назовешь. Наверное, на коже под его пальцами уже появились синяки...

Эллис на секунду обмякла, затихла, будто отчаявшись, прекратила борьбу. Что происходит? Что от меня хотят скрыть?!

Она уже не строила для себя никаких иллюзий.

На борту «Антея» произошло нечто страшное, чудовищное, непоправимое. Об этом, захлебываясь дрожью, орал каждый нерв, каждая клеточка ее тела...

Это был один из вариантов, к которым упорно готовили их на Земле...

Полет к звездам предполагал любые неожиданности.

Экипаж «Антея» действительно готовили ко всему – к авариям бортовых систем, к встрече с братьями по разуму, к исследованию планет, даже к вероятности того, что им придется защищать свои жизни с оружием в руках.

По мнению организаторов полета, Дальний Космос не терпел сантиментов. Человечество пыталось вторгнуться в неизведанную для него область. Космос мог принести людям как неизмеримые блага, так и чудовищные неприятности – это, к счастью, понимали если не все, то многие...

Все это пронеслось в голове Эллис за те несколько секунд, что она лежала, сжавшись в комок...

Образ Коллинза, из-под одежды которого валит едкий дым, а с лица начинает сползать плохо адаптированная к воде пеноплоть, какой обычно снабжались самые дешевые, предназначенные для космических станций модели бытовых дроидов, стоял перед глазами словно жуткое, но уже неизбежное наваждение, и Эллис вдруг с уничтожающей всякую надежду отчетливостью поняла – это и был не Коллинз, а игравший его андроид!..

– Зачем?! – Она вдруг с силой оттолкнула от себя Свято-

гора и отползла на несколько шагов. – Зачем вы пытались меня обмануть?! Что стало с Коллинзом, отвечайте!

Станислав даже не поморщился. Истерика Эллис и ее вопросы не произвели на него никакого впечатления. Выпрямившись, он подошел к пытавшейся отползти от него женщине и спокойно произнес:

– С Коллинзом все в порядке. Сейчас он встанет. Немного терпения, Эллис.

Артикуляция его губ не соответствовала словам... Они еще шевелились, когда Станислав уже окончил говорить...

Эллис едва не закричала в голос от страха, от той паники, что металась в сознании, как ошалелая пуля в долгом изматывающем рикошете. Но... ее психика на самом деле оказалась в состоянии адекватно среагировать даже на подобную, совершенно безумную с точки зрения здравого смысла сцену. Для этого требовалось лишь допустить внутрь себя мысль о непоправимой беде, несчастье, какой-то постигшей корабль катастрофе, и сознание, трансформированное еще на Земле, вдруг заработало совершенно иначе.

Дрожь в мышцах осталась, но внутри уже не было истеричных, мечущихся мыслей.

Она не имела права обманываться. Она не имела права надеяться. Она была человеком, чью психику долго готовили к испытанию на прочность...

В экстремальной ситуации доверяй только фактам. Неоспоримым фактам, которые исключают ошибку. Чув-

ства, эмоции тут недопустимы...

Хорошо им было инструктировать будущих астронавтов на Земле в перерывах между бесконечными психологическими и физическими спаррингами.

Если бы Эллис хоть на секунду усомнилась в возникших подозрениях, она бы позволила сделать себе укол, потом, вероятно, потребовала бы объяснений у капитана... Но образ Коллинза, который все еще лежал на полу, в луже натекшей под него воды, не дал ей опомниться, заставил психануть, перехватить руку Святогора с занесенным инъектором.

– Отпусти, Эллис, я должен сделать тебе инъекцию.

Что-то чужое, холодное, страшное и равнодушное звучало в его голосе.

Эллис резко дернулась, вырвалась, оставив частицы своей кожи под его ногтями, отпрянула в сторону и, дрожа, прижалась к стене подле стола.

– Не подходи! – вскрикнула она, схватив графин с питьевой водой.

Конечно, это было небьющееся стекло.

Удар, в отчаянии нанесенный Эллис, прошел для Святогора незамеченным, только кожа на лбу вдруг лопнула, обнажая светлую сталь черепной коробки.

Господи... Робот... Они роботы... И Коллинз... и Святогор!

Лжеврач поднял инъектор на уровень плеча.

– Эллис, ты делаешь глупости! – дошел до ее сознания

голос капитана Нортон. – У тебя, очевидно, нервный срыв после анабиоза. Ты должна позволить сделать себе укол.

Она не понимала одного – почему остановился замаскированный под Станислава андроид? Отчего ее уговаривают, а не скрутят силой, не сломают, раз уж им взбрело в голову ввести ей какую-то дрянь?

– Я не хочу никаких уколов. – Она, не выпуская из поля зрения Станислава, чуть скосила глаза. Нортон стоял подле компьютерных терминалов, за которыми она застала Коллинза, и смотрел на нее спокойно, без ненависти, но и без сочувствия. Его лицо, лишённое мимики, было никаким.

Он тоже... Тоже робот... – с ужасом поняла Эллис.

Бежать ей было некуда. Она совершенно не понимала причин происходящего, была смертельно напугана, взвинчена...

– Эллис, нам бы не хотелось применять силу...

Святогор сделал попытку приблизиться.

Если он являлся андроидом, то очень скверным. В его движениях не было законченности, плавности. Как и у Коллинза... Походка деревянная, поворот всем корпусом.

Эллис дрожала, отступая вдоль стены, пока ее спина вновь не встретила переборку.

Сказать, что она находилась на грани нервного срыва, – значит не сказать ничего.

– Что случилось на борту? Где весь экипаж?! – истерично выкрикнула она, угрожающе взмахнув графином, который продолжала держать за горлышко.

Этот вопрос в очередной раз остановил Святогора. Его череп действительно прикрывала пеноплоть – полимерный заменитель кожи. За несколько минут человек с такой раной уже бы истек кровью, у него же в глубине раны не проступило ничего, кроме смутного, зловещего поблескивания спрятанного под пеноплотью металлопластика.

– Я не правомочен отвечать на вопросы, – сухо ответил Нортон.

Капитан не правомочен отвечать?!.

Эллис вдруг поняла – если она сейчас каким-то образом не решит проблему, то ее либо скрутят, либо она просто сойдет с ума от творящегося с ней и вокруг нее страшного, неправдоподобного идиотизма.

Вот только беда: не было в голове ни одной здоровой, сулящей выход из положения мысли...

Резко замахнувшись, она швырнула графин в голову застывшего в трех шагах от нее Святогора.

Он дернулся, продемонстрировав нечеловеческую реакцию машины, поймал графин за горлышко, но лишь с тем, чтобы его содержимое по инерции не выплеснулось ему в лицо.

В следующий миг раздался треск статики, сопровождаемый знакомой вонью.

Шейные суставы! Они плохо герметизированы у этих дешевых моделей человекоподобных машин!

Эллис рванулась через каюту назад к душе.

Схватив гибкий шланг с распылителем на конце, она ударила ладонью по кнопке подачи воды и повернулась как раз в тот миг, когда капитан Нортон уже готов был схватить ее.

Струя воды окатила Дейвида Нортона с головы до ног.

Эллис даже не почувствовала торжества, когда плечи его униформы окутались искрами происходящих под одеждой замыканий. Ее трясло так, что душевой рожок прыгал в руках будто живой.

Тело Нортона упало на пол с глухим стуком.

Эллис бросила душ, оставив воду свободно изливаться на пол каюты, и, преодолевая бившую ее дрожь, кинулась к терминалу связи.

Это безумие обязано, должно закончиться!

Когда экран интеркома осветился, Эллис поняла – все еще только начинается.

На мониторе связи капитан Нортон повернул голову, силясь вспомнить ее лицо...

Запись!.. Голографическая запись!

Словно подтверждая эту тоскливую, паническую мысль, фантом Нортона произнес уже знакомую ей фразу:

– Эллис Хойланд? Вы проснулись?

Ее ладонь с силой хлопнула по кнопке отключения.

Экран погас.

О, Боже!!!

Из глаз Эллис брызнули слезы. Она ничего не понимала, но чувствовала, что вокруг творится что-то неопишемое,

недоступное для ее воображения...

От слез едва ли стало легче.

В других условиях подобный бред можно было отнести к разряду психических расстройств, как-то попытаться пережить, обратиться к врачу... Если бы все не происходило на борту космического корабля, который находился в шестнадцати с лишним световых годах от Земли!..

Лихорадочно оглядевшись, Эллис шагнула вперед, склонилась над капитаном, резким движением сорвала с него пояс, на котором были укреплены захваты положенной ему по рангу силовой кобуры, и с трепетом разглядела торчащую наружу рифленую пластиковую рукоять.

Вес автоматического пистолета не придал ей бодрости, а только усугубил панический страх. Едва соображая, что делает, она отшвырнула в сторону ремень и выскочила в кольцевой коридор яруса.

Под потолком с тихим жужжанием повернулась видеокамера, нацелив на нее свой холодный немигающий взгляд.

Эллис секунду смотрела в ее черный диафрагменный зрачок, потом кинулась прочь.

Ноги сами несли ее к лифту.

Добежав до шахты межуровневого сообщения, она увидела на контрольных панелях обоих лифтов красные огни. Заблокировано.

В глубине коридора раздались чьи-то шаги.

Эллис не могла этого выдержать. Страх захлестывал ее

волнами парализующей дрожи, ноги отказывались слушаться, тело тряслось.

– Эллис, – раздался мягкий, смутно знакомый зовущий голос. – Эллис, где ты? Зачем ты прячешься?

От этого голоса цепенели мышцы, перехватывало дыхание в горле.

Она никогда не думала, что страх может разрастаться до таких чудовищных размеров, забивать все, любую мысль, желание, волю...

Из-за плавного поворота кольцевого коридора показалась человеческая фигура.

Это была Ольга Званская, ее ровесница и подруга, пилот той же смены, в которую входила сама Эллис.

В ее руке был зажат аппарат для внутривенных инъекций.

– Стой! – вскрикнула Эллис, поднимая тяжелый пистолет. – Не двигайся!

Ольга будто не слышала ее. С равнодушным выражением лица она продолжала идти прямо на нацеленный в ее сторону ствол, а с губ лжепилота уже срывались никак не связанные с артикуляцией и бесстрастным видом подруги слова:

– Эллис, ты должна мне поверить. У тебя нервный срыв, я хочу помочь тебе, милая...

– Заткнись!

– Эллис, ты не понимаешь!..

– Заткнись!!! – Собственный крик, гулким эхом метнувшийся по коридору, заставил Эллис вздрогнуть, втянуть го-

лову в плечи, и, отступая, она подняла пистолет.

Господи... Неужели я это сделаю?.. Неужели...

Ужас, стылый ужас разрастался в ее груди, заставляя кривиться губы, дрожать руки. Он колотил нервным ознобом по мышцам, ведь сходство той нелюди, что шла на нее с инъектором в руках, с настоящей Ольгой Званской оказалось столь велико, что Эллис едва не разрыдалась...

Двойственность, двусмысленность ситуации буквально разрывала ее душу и разум, низводя последний до уровня, когда мистический страх перед обрушившимися потрясениями стал вдруг дозвездь, захлестывая остатки здравого смысла. Возможно, в эти чудовищные секунды древний инстинкт самосохранения и был единственным уместным в данной ситуации здравым смыслом?

Ольга – или ее механическое подобие? – приближалась. Их уже разделяло не более пяти метров, когда спина Эллис ощутила твердую преграду.

Она панически оглянулась.

Там, где кольцевой коридор яруса должен был продолжаться, уводя к техническим переходам и грузовым лифтам, ведущим в реакторные отсеки и хозяйственно-складскую зону корабля, его перегораживала герметичная аварийная переборка со стандартной шлюзовой камерой.

Эллис поняла, что попалась.

Реакция ее взвинченных и готовых вот-вот лопнуть нервов не заставила себя ждать.

Она не собиралась отдаваться в руки этим механическим подобиям экипажа.

Зажав пистолет в обеих руках, она подняла его на уровень плеч.

– Ольга, если ты человек, то заклинаю – остановись! – дрожащим голосом произнесла она.

Званская продолжала идти вперед.

Палец Эллис дрожал на упругой спусковой скобе автоматического пистолета. В какой-то момент ей вдруг показалось, что у нее не хватит сил, чтобы подавить сопротивление курка, и эта мысль вылилась в одном судорожном движении...

Выстрел оглушительно прогрохотал в гулкой тишине коридора, отдача болезненным толчком прошла по ее суставам, едва не вырвав пистолет из дрожащих, ослабевших рук.

– Ольга!!!

Званская остановилась, будто налетела на невидимую стену.

Эллис расширенными от ужаса глазами смотрела на нее, пока не увидела, куда попала пуля. Во лбу ее бывшей подруги зияла аккуратная дырочка с завернувшимися внутрь краями из порванного металла черепной коробки.

Несколько секунд дройд, исполнявший роль Ольги Званской, стоял, будто его расколотый на куски электронный мозг все еще пытался осознать случившееся, а потом она со стуком рухнула на пол, как падает случайно задетый манекен

в отделе супермаркета...

Эллис, инстинктивно вжимаясь спиной в глухую стену аварийной переборки, в оцепенении наблюдала, как из вывороченного наружу затылка андроида, представляющего теперь рваное выходное отверстие, в которое при желании можно было запихнуть кулак, медленно начал струиться серый вонючий дымок...

Неужели все?.. Весь экипаж?!

В это трудно, немислимо было поверить. Но, вспомнив Коллинза и двух капитанов Нортонов, один из которых скорее всего являлся голографической записью живого Дейвида, она поняла, что ей придется поверить.

Что-то страшное, неподвластное ее пониманию случилось на борту космического корабля.

– Вниманию экипажа! – вдруг разорвал наступившую после выстрела тишину коридора ровный, хорошо отмодулированный голос бортовой кибернетической системы. – Сменный навигатор Эллис Хойланд, вы должны срочно пройти в медицинский отсек яруса. Повторяю...

От этого голоса Эллис сжалась в комок.

Ей вдруг вспомнились слова капитана-дройда, воспринятые ее возвращающимся из небытия сознанием: Сделай ей укол... Эпизод придется переиграть...

Где-то в глубинах коридора опять послышались мягкие, тонушие в ковровом покрытии шаги одного, а быть может, и нескольких человек. Эллис, чьи нервы готовы были вот-вот

лопнуть, расслышала лишь смутный шум, но и этого оказалось достаточно, чтобы понять: кто бы ни властвовал в данный момент над кораблем, они не отстанут...

Ей не дали даже минуты, чтобы прийти в себя... Эллис с тоской посмотрела вокруг. Лифты не работали, путь по кольцевому коридору преграждала аварийная переборка... А шаги приближались, такие тихие, вкрадчивые, не опасные...

Как бы ни готовили их на Земле, но Эллис в эти секунды ощущала себя загнанной в угол, ничего не понимающей женщиной. Понятия «космос», «космический корабль» не налагали на ее сознание никаких преимуществ. Наоборот, они порождали в душе безысходность. Крохотная частичка рукотворного вещества, летящая сквозь мрак Вселенной, – это подразумевало безвыходность...

Эллис, которой никак не удавалось справиться с бившей ее дрожью, кинула затравленный взгляд вдоль пустого коридора, обернулась к аварийной переборке, что так внезапно и необъяснимо преградила ей дальнейший путь. Опустив наконец пистолет, который она все еще сжимала ладонями обеих рук, Эллис внимательно осмотрела контур располагавшегося в переборке люка.

Шаги за спиной стали четче, явственнее... Казалось, что они шуршат по покрытию пола за ближайшим плавным изгибом стен.

На мгновение ей овладела паника. Она и так уже поняла, что пути назад по кольцевому коридору нет и этот люк, воз-

можно, является не ловушкой, а единственным средством для нее. Не средством спасения – в замкнутом пространстве космического корабля спасения от какой-то тотальной беды не могло быть в принципе, – а возможностью хотя бы отдышаться, сбить с себя это паническое состояние изматывающей дрожи, получить несколько минут передышки, чтобы осмыслить те крохи бредовых догадок и подозрений, что возникли в ее голове.

Она кинула взгляд назад, убедилась, что кольцевой коридор по-прежнему пуст, а затем заставила пальцы правой руки разжаться, отпустить теплую рифленую рукоять пистолета. Положив ладонь на светящуюся пластину в углублении сканера, она резко скомандовала:

– Система, вход!

Для кибернетической системы корабля было просто невысказано не подчиниться столь ясно отданному приказу. ДНК Эллис Хойланд, образец которой хранился в памяти бортовых машин, сейчас был сопоставлен с той, которую только что получил сканер, посредством контакта с кожей человека.

Сравнительный анализ выдал положительный результат.

Люк послушно скользнул в сторону, открыв проход в тесную шлюзовую камеру.

Эллис, почти не колеблясь, вошла внутрь, понимая, что это, наверное, ее единственный шанс остаться в относительном одиночестве, получить краткую передышку в цепи

безумных событий и встреч.

В шлюзе, внутреннее пространство которого представляло собой квадрат со стороной в один метр, располагался небольшой кнопочный пульт и встроенный в переборку шкаф с прозрачной передней стенкой, за которой в нише был подвешен скафандр.

Эллис открыла его, засунула пистолет за пояс, чтобы освободить обе руки, затем дрожащими пальцами пробежала по сенсорам активации на миниатюрном пульте, и скафандр вдруг ожил.

Его подвижные, снабженные сервоприводными псевдомускулами части пришли в движение, открывая внутреннюю полость.

Эллис спиной вошла в нее, пригнулась, просунув голову в жестко соединенный с шейным кольцом шарообразный гермошлем, и скафандр, ощутив своими внутренними сенсорами, что человек уже в нем, начал закрываться, сдвигая пластины брони, герметизируя швы, закрепляя магнитные фиксаторы.

Это привычное для Эллис шевеление оболочки длилось не более минуты. Последним на место скользнуло прозрачное забрало шлема.

– Готовность, – доверительно сообщила внутренняя аудиосистема. – Проверьте, пожалуйста, подачу кислорода.

Эллис послушно коснулась языком крошечной кнопки на внутреннем ободе забрала. Вкус кислородной смеси, что по-

текла из расположенного у рта патрубка, казался чуть сладковатым.

– Спасибо. Герметизация в норме. Начинаем процесс шлюзования.

Внутренний люк скользнул на место. В переходном тамбуре вспыхнул предупреждающий красный свет – это автоматика начала откачку воздуха.

– Посторонний предмет не мешает? – вежливо осведомилась система скафандра.

– Нет, – односложно ответила Эллис. Она специально оставила пистолет заткнутым за пояс. Как ни абсурдно такое чувство, но вес этой железки, которая, по известным причинам, была совершенно бесполезна в вакууме, успокаивал.

– Воздух откачан. Вы можете начинать движение.

Эллис не ответила, напряженно наблюдая за внешним люком, который начал медленно отодвигаться.

Что она ожидала увидеть за ним?

Ее дыхание участилось, когда вспыхнули три прожектора скафандра – два на плечах и один на гермошлеме, и потрясенному взгляду Эллис предстал фрагмент продолжавшегося за переборкой кольцевого коридора яруса.

Здесь все было перемешано, перекручено неведомой силой, смявшей стены в замысловатую гармошку; выдавленные в коридор люки отсеков застыли под невыносимыми углами. И везде, везде рваный металл, какие-то парящие в невесомости обломки, хаотично разбросанные предметы,

порванные жгуты кабелей...

Она сделала шаг вперед, отодвинув рукой длинную глянцево-черную змею силового кабеля, который, причудливо изогнувшись, медленно отплыл в сторону.

Внутренний радиус закругления изуродованного коридора казался подернутым металлической рябью. Вся пластиковая облицовка с него слетела и теперь плавала вокруг уродливыми фрагментами, а сама стена стала волнистой – видно, ее материал подвергся разрушительной вибрации...

Эллис, едва смея дышать, медленно продвигалась вперед сквозь хаотичные свидетельства происшедшей тут катастрофы. Ей казалось, что если она еще не сошла с ума, то уже очень близка к этому.

Однако главное потрясение ожидало ее впереди.

Пройдя с десятков метров по изувеченному до полной неузнаваемости коридору, она внезапно обнаружила, что тот обрывается безобразным провалом, в котором переливался неяркий, приглушенный красноватый свет.

Она произвольно остановилась, несколько секунд собираясь с духом, чтобы двинуться дальше.

Наконец, отлепив от пола магнитную присоску подошвы, она заставила себя сделать первый шаг по направлению к провалу.

Вокруг в невесомости парили уродливые осколки внезапно прерванной жизни.

Эллис чувствовала, как дрожит под оболочками скафанд-

ра ее тело. Мельчайшие хаотические фрагменты складывались в ее сознании в неумолимую картину жестокого разрушения... Несколько последующих минут лишь подтвердили все самое худшее из тех подозрений, что копились в душе...

Постепенно, шаг за шагом, панорама перед ней расступалась, обретая перспективу в виде изогнутой под неммыслимым углом, расколотой и оплавленной чаши фотонного отражателя «Антея». Эллис хорошо помнила, что массивная плоскость жесткого фотонного паруса, которую условно называли «чашей», должна быть вынесена далеко за корму корабля на мощных телескопических штангах, каждая из которых имела диаметр в несколько метров.

Сделав последний шаг, Эллис внезапно оказалась на краю уродливой бездны.

Дыхание у нее перехватило, в горле застрял сухой ком, когда она увидела наконец, что же стало с космическим кораблем...

Размеры постигшей его катастрофы не поддавались осмыслению. Эллис понимала, что видит лишь фрагмент, может быть, всего одну треть того, что некогда носило гордое название «Антей», но и этого хватило...

Ее взгляд скользнул по бронеплитам обшивки, вздыбленным, словно рыба чешуя под неумелым ножом, остановился на огромном провале, который зиял в том месте, где раньше располагались отсеки маршевых двигателей, и наконец переместился туда, где должны были находиться крепящие

фотонный парус опоры.

Кожу на затылке начало неприятно стягивать, когда она увидела их и представила, какие тут бушевали энергии...

Две из шести мощных телескопических штанг оказались разорваны, а их обломки какая-то чудовищная сила разогнула в разные стороны. Изуродованная, деформированная чаша фотонного отражателя закрывала собой все обозримое пространство космоса, нависая над кораблем, как прихотливо вывернутый ветром, изломанный черный зонтик...

Вогнутая поверхность изуродованного фотонного паруса словно бы ограничивала объемное пространство между кормой корабля и бывшим отражателем частиц. Все это внутреннее пространство, вмещавшее в себя несколько десятков кубических километров вакуума, было наполнено различными обломками, частицами замерзшей воды и кристаллизовавшихся газов. Наверное, шлейф этих безобразных свидетельств катастрофы тянулся далеко в космос, двигаясь в гравитационном поле «Антея» как уродливый кометный хвост...

Полубезумный взгляд Эллис скользнул дальше, по опаленной ядерным огнем, покрытой шелушащейся коростой окалины броне корабля, к тому месту, где раньше располагались два десантно-спасательных модуля «Антея» – миниатюрные планетолеты, предназначенные для разведки новых миров.

Эллис охватила дрожь, когда она увидела, что один из от-

деляемых модулей отсутствует – его смела незримая сила, оставив лишь выдранные из брони гнезда стыковочных узлов... Второй же оказался на месте, но и он выглядел плачевно... Для Эллис, которая с растущим напряжением разглядывала этот хаос разрушений, вид отделяемого аппарата не давал никаких поводов к оптимизму: все его наружные коммуникации были начисто снесены, корпус местами покрыт остекленевшими пятнами ожогов, один край модуля оторвало от брони «Антея», и теперь многотонная конструкция держалась лишь на трех деформированных стыковочных узлах, словно бы вцепившись ими в часть уцелевшей обшивки корабля...

Что тут произошло? Что?!

Этот вопрос не просто мучил ее, ответ на него казался столь же жизненно необходимым, как глоток кислородной смеси из патрубка дыхательной системы скафандра...

Она попыталась унять распоясавшееся сердцебиение, повернулась, скользнув взглядом по беспорядочно распушенным в пространстве виткам страховочных тросов, которые удерживали два или три бесформенных обломка, в бесплодной попытке понять причину постигшей корабль катастрофы. Но логика, этот надежный, остро отточенный инструмент выживания, на этот раз оказалась тупой и гнутой. Мысль лишь скользила по видимой глазу поверхности проблемы, не находя соответствий, здраво рассуждать мешало воспоминание о событиях, предшествовавших ее выходу в

шлюз.

Эллис не сомневалась – катастрофу корабля можно объяснить, а вот присутствие на его борту кибернетических механизмов, которые почему-то пытались исполнить роль людей в каком-то совершенно диком и иррациональном спектакле, – это не находило приемлемого объяснения.

Как ни странно, но, покинув пригодную для жизни часть корабля, она почувствовала себя лучше. Настолько лучше, что вновь смогла думать, если не здраво, то очень близко к этому.

В ее голове роились уже не страхи, а конкретные мысли, направленные на сопоставление всего увиденного и пережитого за последний час, прошедший с момента ее пробуждения.

...Итак, я очнулась в криогенном зале и сразу ощутила что-то неладное... – размышляла она, продолжая напряженно созерцать картины хаотических разрушений. – Значит, мое ощущение было верным. На корабле случилась катастрофа, уничтожившая большую его часть... Но кто-то не хотел, чтобы я узнала об этом. Меня хотели обмануть, ввести в заблуждение... и для того подсунили в каюту дройда, который был призван сыграть Коллинза, но не смог... Я как дура заволокла его в душ... – В этом месте мысль Эллис споткнулась, в груди опять возник неприятный, сосущий холод. – Значит, настоящего, живого Коллинза уже нет? Так же, как Святогора, капитана Нортона, Ольги?

Горечь этих мыслей угнетающе подействовала на нее.

Милая, ты обречена, – говорили ее глаза, перед которыми плавали в вакууме обломки «Антея», ее космического дома, единственного прибежища в этом холодном, враждебном мраке, который принято именовать Вселенной.

То, что на части корабельных палуб сохранились условия для жизни, еще не значило, что там можно жить. Дышать, есть, пить, спать – да, но жить – это совершенно иное понятие. Перечисленные условия вполне подходили корабельному коту, всеобщему пушистому любимцу, однако человеку нужно несколько больше – смысл существования, например. Если цель их полета недостижима, то оставалось предположить одно – изувеченные катастрофой останки корабля летят сейчас в пространстве, придерживаясь произвольного курса, то есть, по сути, в никуда.

Эллис размышляла над этим спокойно, отстраненно, несколько не удивляясь собственному равнодушию в мыслях, даже не замечая его. За всплеском эмоций, который она пережила после своего пробуждения, неизбежно наступала депрессия, но в ее случае этот процесс оказался сглажен теми препаратами, которые подавала ей вместе с дыхательной смесью система жизнеобеспечения скафандра.

Оставался один, самый важный и требующий адекватного решения вопрос: кто остался на борту «Антея», кроме нее самой и виденных, вернее, уничтоженных ею дройдов, столь неуклюже и топорно пытавшихся сыграть роли членов эки-

пажа? И главное – кто являлся организатором, заказчиком этого безумного костюмированного представления?

Мысли Эллис были тяжелыми, будто в ее голове кто-то вращал булыжники... Несмотря на заботу внутренней системы поддержания жизни, она ощущала себя разбитой и больной... Еще бы, ведь процесс выхода из состояния низкотемпературного сна сам по себе опасен, неприятен и болезнен, а когда пробуждение сопровождается такими безумными обстоятельствами, тут и говорить нечего. Эллис сейчас требовались покой, отдых и медицинский контроль, но все, что она могла себе позволить, – это несколько минут неподвижности среди обломков того, что еще так недавно являлось ее домом, большим, надежным и, как казалось, неразрушимым.

Она стояла, машинально вцепившись рукой в покореженную, свисавшую от потолка изуродованного коридора балку, и постепенно успокаивалась, будто в ее душе уже прижилось, нашло свое место ощущение непоправимости случившегося.

Сейчас ей нужно было найти выход: как вернуться в уцелевшую часть корабля и при этом оградить себя от посягательств непонятной силы, что действует на борту?

При воспоминании о дройдах, игравших роль близких ей людей, по спине Эллис опять пробежал озноб. Все это не просто пугало – события не укладывались в рамки человеческого сознания и казались тем более зловещими. Эллис никогда не была склонна к мистицизму, она придерживалась строго материалистических взглядов и знала, что у каждого

явления есть причина, его породившая...

И тут ее осенило: дройды! Бортовые кибернетические механизмы, выполнявшие роль второго экипажа!

Сомнительно, что они вдруг обзавелись собственной, независимой от программ волей, но, даже если так, они все равно подчинены центральной кибернетической системе корабля – КИМу!

Это было как внезапное откровение, вспышка света в крошечной тьме.

КИМ являлся машиной, которая, по своей сути, выполняла роль нервной системы для исполинского космического корабля. Ему был подвластен каждый уголок помещений, подчинены все бортовые машины, включая и этих пресловутых роботов-андроидов, значит, даже если он и не руководит данным безумством, то по меньшей мере знает о нем, пребывает в курсе!..

От этой мысли в душе опять возникло двойное чувство: с одной стороны, она обрадовалась найденному решению, а с другой – к ней вернулся прежний страх. Ведь КИМ являлся машиной, которой предписано во что бы то ни стало защищать людей и корабль... Однако «Антей» разрушен, а о членах экипажа у нее нет никакой достоверной информации... Мысль о том, что компьютерный мозг корабля мог быть каким-то образом причастен к катастрофе, она не рассматривала. Для Эллис подобное утверждение являлось абсурдом, сюжетом дешевых фантастических фильмов. С та-

ким же успехом можно было утверждать, что случайно снявшаяся с ручного тормоза машина сознательно уходит с парковки, чтобы совершить наезд на хозяина. Нет, Эллис думала о другом – о людях, которые могли сильно пострадать при катастрофе, получить травмы не только физические, но и моральные. Этот бред с андроидами, разгуливавшими по кораблю в обличье членов экипажа, теперь казался ей злонамеренной выходкой какого-то психа...

Как мне добраться до КИМа? – подумала она, озираясь по сторонам.

Это был тяжелый вопрос. Возвращаться в пустоту кольцевого коридора, в котором ее наверняка найдут эти свихнувшиеся дройды, она не хотела. Блокированные лифты вызвали сомнение в том, что она сумеет каким-то легальным образом попасть на верхние ярусы корабля. Система аварийных лестниц и технических коридоров «Антея», при некотором раздумье, тоже, если не отпадала совсем, то казалась не лучшим из вариантов: узкие проходы могли оказаться ловушкой, ведь она не знала, насколько сильно повреждена прослойка между бронеплитами обшивки и внутренним корпусом, где как раз и располагались упомянутые коммуникации...

Взглянув на разверзшуюся под ее ногами бездну, полную различных обломков, Эллис не могла не признать, что такой путь тоже крайне опасен, но он имел два неоспоримых преимущества: во-первых, ей не придется возвращаться во

внутренние помещения нижних ярусов «Антея», а во-вторых, двигаясь по обшивке корабля, она сможет достичь рай-она рубки управления гораздо быстрее.

К тому же она надеялась, что тут ее не будут подстергать непредсказуемые опасности. Со всем иным, обладающим инерцией мертвого, лишённого собственной воли металла, она надеялась справиться.

Такие мысли сослужили ей хорошую службу, они помогли успокоиться, собраться с силами, и недавно пережитый кошмар немного отступил, заслоненный новыми, понятными и практическими проблемами.

В таком переходе от растерянности и истеричного страха к взвешенным, вполне осмысленным действиям не было ничего необычного. В принципе, все члены экипажа «Антея» в равной степени были готовы к многочисленным нештатным ситуациям на борту космического корабля, вплоть до тотальной катастрофы и гибели большинства своих товарищей. Такие варианты в период предполетной подготовки на Земле рассматривались и обыгрывались достаточно подробно.

Это, конечно, не значило, что молодая женщина-навигатор вдруг обрела железное хладнокровие, нет. Но, хотя ее пальцы все еще дрожали, пристегивая к вывороченному из стены фрагменту обшивки карабин страховочного фала, она уже внушила себе ту долю спокойствия, которая была необходима для разумного перемещения вне корабля.

Длина страховки составляла сто метров.

Эллис не страдала агорафобией* , хорошо переносила центрифугу (как это вообще возможно для человека), и ее вестибулярный аппарат вполне спокойно отреагировал на отсутствие вокруг таких понятий, как «низ» и «верх». Об этом просто не следовало думать, постоянно удерживая перед глазами какую-нибудь материальную поверхность, и тогда бездна безграничного космического пространства казалась не столь страшна и необъятна...

Но, несмотря на подготовку и кажущееся спокойствие, первый шаг по искореженной обшивке «Антея» дался ей с трудом.

Стараясь смотреть исключительно вверх и вперед, где уродливым козырьком нависал кусок отогнутой и оплавленной обшивки, Эллис сделала шаг в сторону, в пустоту, и, осторожно, сантиметр за сантиметром отпуская страховку, отплыла от безобразного огрызка кольцевого коридора.

Мимо нее, медленно вращаясь, проплыл фрагмент решетчатой фермы от какого-то обслуживающего механизма. Она подождала, пока кусок металла разминется с ней, и, совершив заученное движение, развернулась, поменяв свое положение в пространстве.

Первый миг, когда вертикальная стена обшивки корабля стала для нее «низом», к горлу подкатил тошнотворный комок, но это ощущение быстро прошло.

Еще одно движение руками, и сила инерции подтолкнула

* Агорафобия – боязнь открытого пространства.

ее назад, к кораблю. Магнитные подошвы скафандра коснулись обшивки и намертво приросли к ней.

Эллис выпрямилась, немного постояла, свыкаясь с новым пространственным положением своего тела, а затем, стараясь не смотреть по сторонам, сделала первый шаг...

Дальше пошло уже несколько легче, и постепенно она втянулась в плавный, неторопливый ритм движений.

Борт корабля бугрился под ногами, вспучиваясь пологими выступами обтекаемых надстроек. Она шла медленно, осторожно, стараясь не наступать на покрытые окалиной места, где магнитные подошвы могли не получить нужного сцепления с металлом.

Так продолжалось около получаса.

За это время никакое постороннее движение не нарушало медленного ритма ее шагов и плавного круговорота окружающих «Антей» обломков.

Продвигаясь к заостренной носовой части многокилометрового космического корабля, Эллис по-прежнему не видела звезд – все «небо» над головой заслоняла исполинская, скособооченная плоскость фотонного отражателя. Откуда-то сбоку в наполненное обломками пространство, заключенное между оплавленной обшивкой корабля и накрененным ускорителем частиц, проникал неяркий, тускло-красный свет. Однако Эллис так и не смогла прийти к однозначному выводу – был ли он излучением какого-то расположенного неподалеку светила или это собственная аварийная подсветка ко-

рабля, источник которой оставался невидим?

Впрочем, долго мучиться подобными вопросами ей не пришлось. Сто метров страховки, отпущенные на привыкание, закончились скорее, чем она ожидала, и наступил тот миг, когда пора было распрощаться с надежной мономолекулярной нитью, связывавшей ее с устьем безобразного провала в борту корабля. Такие тросы не оборудовались саморазжимными карабинами, и смотать фал, отстегнув его от прежней точки опоры, оказалось невозможно. Это было вполне разумно. Даже для опытного астронавта болтающаяся вокруг него стометровая нить представляла вполне серьезную угрозу, и потому конструкторы предусмотрели подобные неразумные попытки. Смотать фал на приемный барабан, который крепился к поясу скафандра, можно было только «обратным ходом».

Эллис остановилась, оглянувшись на пройденный путь, соизмерила его с расстоянием, которое еще предстояло преодолеть, и скрепя сердце отстегнула натянувшийся трос от своего пояса.

Прочная нить слегка дернулась, искривляясь, и застыла в пространстве длинной, уводящей к безобразному провалу в обшивке синусоидой.

Эллис повернулась и пошла дальше, теперь еще внимательнее выискивая точки опоры, куда следовало поставить ногу. Пока хотя бы одна ее подошва касалась обшивки, бояться было нечего. Следовало опасаться лишь необдуман-

ных резких движений, которые могли бы оторвать сразу обе магнитные присоски от металлизированной поверхности бронеплит.

Она прошла уже три четверти пути и находилась практически у цели, когда коммуникатор ее гермошлема внезапно ожил.

Сердце Эллис оборвалось, а потом застучало часто и гулко, когда наушники сухо треснули помехой несущей частоты и в них вдруг зазвучал негромкий знакомый голос:

– Эллис? Почему ты покинула корабль? Мои сенсоры не фиксируют тебя во внутренних помещениях.

– КИМ... Это ты?! – На миг ей показалось, что она сейчас перестанет дышать, от неожиданности сердце подпрыгнуло к самому горлу, в ушах зашумело.

– Да, – с готовностью отозвался коммуникатор. – Но ты не ответила на мой вопрос.

– Да? – Эллис с трудом заставила себя сделать очередной шаг. – А я думала, что ты должен ответить на мои вопросы, – с плохо скрытым раздражением в голосе произнесла она. На самом деле это раздражение было бравадой, неумелой, спонтанной ширмой, за которой прятался самый обыкновенный человеческий страх. После всего, что случилось на нижних палубах корабля, у Эллис не было никаких оснований слепо доверять главной бортовой машине...

Тишина. Несколько секунд глубочайшей тишины, от которой заломило в ушах.

– Эллис, ты действуешь неправильно.

– С каких это пор?..

– С самого начала. Зачем ты противишься? Почему ты не пошла в медицинский модуль?

– КИМ, обсуждать действия экипажа не твоя прерогатива. Ты управляешь кораблем, когда это позволено автоматическим системам. И все.

– Да, я понимаю, но...

– Андроиды, имитирующие экипаж, – это твоя идея? – резко оборвала его Эллис.

– Получилось неудачно, согласен, – не стал протестовать голос, очевидно, не понимая, сколь жестока была для Эллис его неуклюжая попытка имитировать экипаж. – У меня не было времени, чтобы подготовиться лучше. В твоей камере нарушился процесс низкотемпературного сна. Я разбудил тебя, потому что не мог позволить тебе умереть.

– А надо было? – с непонятным самой себе ледяным холодом в голосе спросила она.

– Не понимаю.

– Понимаешь. Я чувствую, понимаешь. – Эллис обошла несколько диафрагменных люков и остановилась, чтобы сориентироваться.

– Почему ты не спрашиваешь меня об экипаже, Эллис? Ты ведь постоянно думаешь о них?

От этой фразы ей стало плохо.

Да, она постоянно, каждую секунду думала о них. Девяно-

сто пять человек... Девяносто пять жизней... Она просто боялась услышать правду и, как могла, оттягивала этот страшный миг.

– Что с ними?

– Все погибли, Эллис... Все... кроме тебя.

– Почему? В чем причина катастрофы?

– Метеорит, – лаконично ответил Ким. – Он ударил в район двигательных секций.

Эллис остановилась как вкопанная.

– КИМ... этого не могло... не должно было произойти!.. Разве ты не наблюдал за пространством? Ты же должен фиксировать любой объект в радиусе трехсот километров от корабля!..

Ответа не последовало.

После почти полуминутной паузы КИМ задал всего лишь один вопрос:

– Эллис, а тебе обязательно возвращаться внутрь?

– Что?! – Она не поверила своим ушам. Он что, сошел с ума, этот кибернетический ублюдок?

КИМ опять не ответил. Вместо этого в полуметре от Эллис один из лепестковых диафрагменных люков вдруг раскололся на множество остроугольных сегментов, выпустив в космос гейзер извергающегося под давлением газа.

Она покачнулась, но устояла на ногах, расширенными от ужаса глазами наблюдая, как закрубилось в космосе облачко мелких кристаллов.

Ах ты, ублюдок... – Ее вдруг охватила холодная ярость. – Если бы я сделала еще шаг, то...

– Система, на связь! – срывающимся голосом потребовала она.

КИМ отреагировал мгновенно.

– К-6 на связи.

– Система, приказываю подтвердить генетический код доступа. Данные снять со сканеров скафандра.

Секунда тишины.

– Личность идентифицирована. Жду распоряжений.

– Система, пункт 15-А полетной инструкции, активировать.

– Готово.

– Читай. Произноси вслух!.. – Эллис едва не добавила что покрепче...

– Параграф пятнадцать, пункт «А», – с готовностью сообщил коммуникатор. – Цитирую: при гибели части экипажа корабля вся полнота власти на борту переходит к старшему по званию из числа выживших. Кибернетическая система обязана полностью передать новому руководителю полета все коды доступа, включая доступ к секретным базам данных и командным приоритетам.

– А теперь ответь мне, кто новый капитан «Антея»?

– Эллис Хойланд, идентификационный номер 214-Х.

– Открой внешний аварийный люк систем локации. Когда я войду внутрь, активируй подкачку воздуха и освободи все

внутренние замки технических переходов. – Эллис сама поражалась, как у нее хватает сил на такой быстрый и, нужно сказать, выверенный, хладнокровный диалог с системой ко-рабля.

Ответа не последовало.

Система не была обязана подтверждать приказы, но на душе у Эллис вдруг стало совершенно пусто, будто оттуда разом вымели все человеческое, оставив ей лишь оболочку, наполненную тоскливым страхом и горем...

Непреодолимым горем утраты...

Она вдруг ощутила, как мир вокруг поблек, потерял резкость...

Это на ее глаза наконец набежали так долго и тяжело сдерживаемые слезы.

* * *

Минут десять понадобилось ей, чтобы выплакаться, выплеснуть из себя скопившуюся горечь, насытиться горьким чувством одиночества... Безмерного одиночества среди хаоса парящих вокруг обломков и бесконечной протяженности Вселенной...

Эллис не строила иллюзий, она ощущала, что потеряла абсолютно все, и была права в своих чувствах.

Краткий, но полный потрясений разговор с КИМом, казалось, отнял все силы.

Она еще не понимала, какую жесткую схватку с машиной выиграла некоторое время назад. Для нее это еще не являлось победой. Эллис казалось, что она просто приструнила распоясавшийся в одиночестве компьютерный мозг, не более того. Занятая и подавленная своим горем, она хоть и обратила внимание на явные, вызывающие странности их разговора, но все же не сумела придать им настоящего значения.

Для нее КИМ все еще оставался машиной. Исполнительной машиной, не более того.

Эллис знала об особенностях конструкции Кибернетического Мозга, но никогда не считала его способным к каким-то самостоятельным действиям. В рамках базовых программ он, разумеется, работал, но чтобы КИМ действовал вне их, по собственной инициативе?.. Нет, пожалуй, она не допускала этого до самой последней, роковой секунды.

Только когда перед ней распахнулся внешний люк технического шлюза, Эллис, направив в его темные глубины свет плечевых фонарей, вдруг подумала:

А ведь мог и не открыться...

Эта мысль неприятно поразила ее, словно после всего происшедшего являлась откровением.

Глупо, конечно, но, видимо, она только сейчас начала осознавать – корабль мертв, однако его кибернетический мозг жив, функционирует и ведет себя, мягко говоря, неадекватно ситуации...

Что, например, значила его фраза: «остаться снаружи»? И

этот выброс отработанных газов из диафрагмы люка. Был ли он случаен или...

Эллис вдруг стало совсем неудобно, зябко под рассеянным красноватым светом невидимого отсюда светила.

Собравшись с духом, она пролезла в переходной тамбур, опять испытав короткий приступ тошноты при смене пространственного положения.

Наружный люк медленно вполз на место, отгородив от нее панораму заполненной обломками катастрофы бездны.

Тесное пространство шлюзовой камеры вдруг показалось ей таким уютным, надежным...

Пока она размышляла, тусклый красный свет под потолком сменился слабым зеленым мерцанием, скафандр чуть сдулся, плотнее прильнув к телу, что означало – в шлюз закачан воздух.

Внутренний люк открылся, порадовав ее слух характерным шипением пневматики. Только сейчас, перешагнув порог и очутившись в тесном, расположенном между слоями внешней и внутренней обшивки «Антея» техническом коридоре, Эллис, глядя на тусклую цепочку аварийных лампочек, которая, плавно загибаясь, исчезала во тьме, поняла, насколько важны, значимы на борту космического корабля эти мелкие, порою незаметные, но воистину вездесущие шумы, вздохи, едва уловимые вибрации. Ведь это именно они формируют ощущение жизни огромного корабля...

Вот, наверное, почему она сразу после пробуждения ощу-

тила тревогу каждой клеточкой своего измученного, замерзшего тела. Корабль вокруг нее не жил, по крайней мере, в той своей части, где располагались криогенный зал и каюты экипажа.

Щелкнув анализатором, она проверила состав окружающего воздуха. Прибор признал его пригодным для дыхания безо всяких ограничений.

Покосившись на данные индикаторов, расположенных на внутреннем ободе гермошлема, Эллис решила пока что оставить забрало закрытым – мало ли что?.. Выходка кибернетического мозга была ей непонятна. Такое поведение машины откровенно пугало.

Путь по техническим коридорам не занял у нее много времени. Пройдя метров пятьдесят вдоль узкого прохода, по стенам которого на съемных кожухах красовались цифровые маркировки навигационных блоков, она очутилась подле шахты вертикального спуска, по одной стороне которой тянулись металлопластиковые скобы.

Остановившись, Эллис почувствовала, как ее сердце вновь забилося глухо и неровно.

Тиски ее самоконтроля медленно разжимались. Она никак не могла справиться с тем ледяным чувством страха, которое поселилось в ней некоторое время назад.

Она боялась.

Боялась того электронного создания, что обитало в обломках «Антея».

Нужно побороть себя... – пришла на ум показавшаяся чуть ли не идиотской мысль. – Нужно... Нужно...

Она знала, что должна сделать, но не решалась.

Что-то удерживало ее, но что?

В полетных инструкциях ведь было сказано со всей очевидностью – при появлении неполадок в цепях кибернетической системы управления рекомендуется ее «холодный» перезапуск.

Под термином «холодный» подразумевалось полное отключение от питания всех без исключения процессорных блоков КИМа, с тем чтобы очистилась его оперативная память, а управляющие программы, составляющие костяк системы управления корабля, при повторном запуске подверглись самотестированию. Вся накопленная эмоциональная и поведенческая составляющая при этом терялась, Мозг корабля как бы осознавал себя заново, строго в тех рамках, что были предписаны ему еще на Земле.

Нет, я не могу пренебрегать ничем... – решила она, начиная спуск в вертикальную шахту.

У нее не было ни времени, ни сил на сомнения. Мозг корабля должен быть перезапущен, как того требовали инструкции. Эллис вдруг поймала себя на злой, горькой мысли, что распереживалась за систему корабля, в то время когда она не сразу нашла силы заплакать, узнав о гибели экипажа... Как порой сумбурно, несправедливо, непоследовательно бывает человеческое сознание, пусть даже оно и травми-

ровано шоком...

Нет, слезы, горечь – это придет чуть позже, а сейчас ее продолжала бить вернувшаяся вдруг дрожь.

Эллис понимала, что КИМ наблюдает за ней. Было бы глупо, самонадеянно с ее стороны рассчитывать на обратное.

Она не ошиблась.

– Что ты собралась делать, Эллис? – внезапно осведомился возникший в коммуникаторе голос.

– Ты задаешь слишком много вопросов, КИМ, – ответила она, ощущая, как усилилась бьющая ее дрожь.

– Я настаиваю. Ответь.

– Я не обязана отчитываться перед тобой.

– Да. Конечно.

Коммуникатор на некоторое время стих, и пару минут Эллис спускалась по стволу шахты в полнейшей тишине.

Здесь, к счастью, не было видеокамер. Бортовая компьютерная сеть, конечно, ощущала ее присутствие, но скорее в виде теплового сигнала от расположенных в переборках датчиков.

Но путь, куда вела эта шахта, не мог вызывать никаких сомнений.

Она добралась приблизительно до середины ствола, как вдруг почувствовала резкое, нарастающее сопротивление.

В первый миг она не сумела осознать, что явилось источником этого противодействия ее движению, но ряд тревожных индикаторов, разом вспыхнувших на крохотной панели

внутри ее шлема, разом прояснил ситуацию: где-то наверху произошла разгерметизация корпуса, скорее всего просто оказались одновременно распахнуты оба люка шлюзовой камеры, и теперь атмосфера корабля стремительно истекала из технических коридоров, вырываясь наружу гейзером моментально кристаллизующегося газа.

В первый миг Эллис здорово испугалась, судорожно уцепившись за скобу.

Воздушный поток ревел вокруг, с каждой секундой набирая скорость и мощь; ее тело, закованное в броню скафандра, дважды с силой ударило о стены тесной шахты. Эллис, до крови закусив губу, думала в эти мгновенья только об одном – удержаться... не выпустить скобу...

Ее не унесло лишь благодаря тем конструктивным особенностям, которыми обладал скафандр высшей защиты.

Как только внутренние датчики уловили запредельное напряжение ее мышц, которые действительно свело судорогой от инстинктивного панического стремления удержаться, сопротивляясь рвущему вверх воздушному потоку, они автоматически включили систему механических псевдомускулов, которые располагались между слоями брони и служили для усиления движений в момент предельных для человека перегрузок. Механические мышцы скафандра представляли собой систему сервомоторных приводов и могли развивать чудовищное усилие.

Хватка Эллис оказалась воистину мертвой.

Воздушный поток ревел вокруг нее не более тридцати-сорока секунд, потом рвущий перепонки заунывный звук улетающего в космос воздуха истончился, стих, и вокруг воцарилась гробовая тишина.

Она не знала, на что рассчитывал КИМ – на взрыв ее легких в результате мгновенного перепада давления при разгерметизации или же на то, что ее выкинет наружу в облаке кристаллизующихся частиц, но, пережив свой ужас, она прошептала дрожащими губами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.